

Леонид Мартынов

П О В Е С Т Ъ
О
Т О Б О Л Ъ С К О М
В О Е В О Д С Т В Е

ОГИЗ — ОМГИЗ — 1945

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. предвд. выдана _____

Тип. «Московский большевик» 3 2329

2008

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

№ 498

П О В Е С Т Ъ
О
Т О Б О Л Ъ С К О М
В О Е В О Д С Т В Е

~~№ 1906~~

О Г И З

ОМСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОМСК

1945

Обложка, заставки и концовки художника Л. Д. ЯСИНА.

1. ЯСТРЕБИНАЯ ОХОТА

1

реже чем говорить о ястребах, поговорим о геральдике. Геральдика достойная наука. Видели вы герб с изображением горноста, бегающего по зеленому полю? Это — герб старой Тары. И напоминает он о том, что тарские урманы когда-то были более богаты драгоценным пушным зверем, чем ныне. Горно-

ста́й изображен был на тарском гербе в знак обильности и особой доброты оно́го зверя в округе. Через герб Ишима плыл золотой карась, знаменую, что в окрестностях города находится множество озер, изобилующих сей рыбой, и удостоверяя отменную величину оной. Сосед Ишима Ялutorовск имел на гербе свое серебряное мельничное колесо, ибо именно в этих краях началось сибирское земледелие и были построены московскими мастерами первые русские мельницы в Азии. На гербе Тюмени изображен дощаник с золотой мачтой, потому что Тюмень открыла начало судоходству по рекам Сибири.

О многом рассказывают гербы. Но кое о чем они иногда и забывают. Так случилось с гербом добольским. На старом гербе этого славного города изображена золотая пирамида с воинскими знаменами барабанами и алебардами. Позднее ^{Средне-русские гербы} ^{Им. С. Д. Минин} ^{Шебокульск} губерния получила иной герб, изображающий ^{Шит Ермака} ^{булавку} атаманскую и знамена. Спора нет — ^{Шит Ермака} ^{весь}

ма к месту на тобольском гербе. И воинские атрибуты старого герба имеют свой глубочайший смысл. Но все же гербу тобольскому нехватало изображения еще двух предметов. О них забыли. А между тем эти предметы всегда играли громаднейшую роль в жизни Тобольска. Этими предметами очень дорожили и великолепно умели пользоваться лучшие люди города на протяжении всех трех веков его существования.

Предметы эти — перо и книга! Золотая книга и серебряное гусиное перо достойны были бы соседствовать на гербе тобольском не только с барабанами и алебардами, но и со славным щитом Ермака...

2

...Данила Чулков прибыл в Сибирь вместе с воеводами Василием Сукиным и Иваном Мясным, направленными из Москвы поставить острог у реки Туры на развалинах старой татарской Тюмени. Шли воеводы Сукин и Мясной сюда, в Сибирь, по повелению царя и великого князя Федора Иоановича. Так говорилось, но может быть Федор Иоанович и не знал, что они отправились и что сделано это по его повелению. Простоватый и хилый, сын великого Грозного Федор Иоанович, не выказывая способностей к управлению государством, проводил свои дни в богомольи и созерцании забавных выходок придворных шутов. Недалекость царя Федора была очевидна для москвичей, но, пожалуй, никто не пострадал от этого более, чем храбрые участники похода Ермака. После смерти Иоана Грозного, последовавшей в 1584 году, завоеватели сибирского царства оказались забыты, новый царь не послал своевременно помощи покорителям Зауралья. И только несколько времени спустя, когда управление государством перешло от слабоумного царя в руки наиболее энергичных бояр, были приняты должные меры к закреплению русского владычества в Сибири. Особенно заботился об этом старый друг Строгановых, боярин Борис Годунов. Он издавна понимал толк в делах сибирских. Важнейшим из мероприятий и была постройка города на реке Туре, — это закрепляло путь из Москвы в Сибирь и давало возможность распространять русскую власть за Уралом.

Триста воинов русских появились на берегах Туры. Тюменский острог был поставлен в году тысяча пять-

от восьмьдесят шестом, или, как считали тогда в России, в семь тысяч девяносто четвертом «от сотворения мира». Чулков отметил эту дату — 7094 — в книге, которую положили в съезжей избе на видное место рядом с греблом, медной осьминной мерой и железною гирей. Эту книгу вел Данила Чулков. Воеводы Сукин и Мясной искусно владели холодным и огнестрельным оружием, а Чулков имел еще и другое мощное оружие — легкое, остроотточенное гусиное перо. Данила Чулков был письменным головою.

Но недолго пробыл Данила в новом городе Тюмени. Пришлось ему отправиться далее, на восток. Об этом событии пишут разное. Одни указывают, что воеводы Сукин и Мясной послали служилого человека Чулкова туда, на Иртыш, к старой Сибири. Другие полагают, что наказ отправиться далее, в глубь Сибири, был получен Данилою не от воевод, а непосредственно из Москвы. Привезли, мол, этот наказ начальники новой рати, прибывшие в Тюмень из-за Камня. Но как бы то ни было, служилый человек письменный голова Данила Чулков принялся за сборы в поход.

Хлопот было немало. Некогда стало даже слушать те новости, которыми делились с воеводами люди, прибывшие вновь из Москвы. А многое рассказывали эти люди. И о дурачествах царя Федора, который только и знает, что звонить в колокола да молиться; и о том, что прибыла из Англии ко двору баба-лекарь помогать царице Ирине родить, да все равно не поможет... И о том, что зреют заговоры, — Шуйские наущают чернь московскую побить камнями Годунова, но сила Годунова растет не по дням, а по часам и только и дожидается Бориса смерти царя Федора, чтоб самому воцариться. Вот о чем толковали москвичи в те дни, когда Данила Чулков готовился к походу, не имея времени слушать. Впрочем, в присутствии Данилы шептуны все равно замолкали, делая вид, что разговоры вовсе не про царя и не про боярина Годунова. Ибо всем было известно, что письменный голова Данила Чулков — ставленник именно этого боярина Бориса, всесильного царского шурина.

Данила Чулков все равно догадывался, о чем толкуют. Важные дела творились в Москве, нет слов! Но не менее важные вершились и здесь, на берегах Туры, где сооружался флот. Строились ладьи, большие прекрасные ладьи. Их корпуса и мачты сверкали на солн-

не, как золотые. Такой древесины, крепкой, свежей и ароматной, позавидовали бы все корабельщики, все иноземные гости, имеющие торговые дела с Россией. Данила Чулков не мог здесь, в Сибири, не вспоминать об этих заморских гостях. Они стремились и за Камень. Им хотелось сюда еще со времен Иоана Грозного. Да и не так давно, семь лет назад, два храбреца, Пэт и Джексон, пытались проникнуть к берегам Сибири Северным морем, но не вышло. Семь лет назад! За год до похода Ермака. Однако, волжский атаман обогнал сихкиперов. Путешествовал сюда, за Урал, и некий Брюнель, голландец, строгановский служащий, да не он, а Ермак Тимофеевич подарил царю Грозному эти земли. Нет! Иноземцам не ехать туда, куда поедет теперь он, Данила. Пусть иноземцы довольствуются тем лесом, который им предлагают в Архангельске. Данила знал, что и им нужен лес русский также для постройки кораблей.

Лады Данилы Чулкова были спущены на воду приблизительно в те самые дни, когда англичане спускали на воду свои новые корабли, выстроенные из русского леса. Англичане готовили флот, чтобы встретить непобедимую Армаду — военный флот испанского короля Филиппа. Мощный флот англичане строили из русского леса. Чулковская флотилия была гораздо скромней.

Пятьсот ратных людей погрузились в лады. Флотилия двинулась на восток, к тобольскому устью. Чулков вышел в этот поход ровно через два года после гибели Ермака Тимофеевича и через пять лет после завоевания Сибири. За эти пять лет произошло здесь, за Уралом, немало важных событий. После падения сибирского царства и бегства Кучума на юг борьба отнюдь не кончилась. Некоторые северные князьки решили, что русские, избавив их от власти Кучума, сделали свое дело и могут теперь уйти обратно. Уйти домой, предоставив им, князькам, право безраздельно властвовать над народами. С другой стороны, далеко не все русские люди следовали заветам Ермака Тимофеевича. Ермак заещал милостиво и порядочно обращаться с местными жителями, а на деле выходило по-иному. Сражения не прекращались. И этим, естественно, воспользовались кучумовичи. После того, как Ермак погиб, заманенный в ловушку на Вагае, после того, как дружинники, не получив должной помощи из России, не имея продоволь-

ствия, страдая цынгой, отступили из Искера, старая столица Кучума была снова занята татарами. Ею завладел сын Кучума царевич Алей, вернувшийся с верховьев Иртыша.

И вот теперь письменный голова Данила Чулков плыл на Иртыш, туда, к старой ставке ханов сибирских, к Искеру, чтоб «известить» татарских владык, вернувшихся в эти края. Царевича Алея к тому времени вытеснил из Искера сын убитого в свое время Кучумом хана Бекбулата Сеид-Ахмат или, как звали его местные татары, Сейдяк.

3

Татары были прекрасно осведомлены о приближении чулковской флотилии. Слух о ней, опережая ладьи, несся от юрт к юртам по берегам Тобола. Русские плыли на восток, не трогая мирных татарских деревень. Хан Сеид-Ахмат через своих разведчиков знал и о том, кто командует русской ратью. Не в пример прошлому, ведет войско не атаман казачий, не воевода, но просто служилый человек, письменный голова. Много берет на себя человек, привыкший строчить пером по бумаге!

Татарские воины бесстрастно наблюдали приближение ладей к тобольскому устью. Затем татары увидели, что ладьи пересекли Иртыш и пристали к правому берегу возле высокой горы. Эта гора, на русский счет, находилась верстах в восемнадцати от Искера. Русские вышли на берег, осмотрели гору и затем вытащили ладьи на прибрежный песок. И вслед за этим произошло для татар нечто непонятное. Русские, отложив боевое оружие, взялись за топоры. Русские начали рубить свои корабли. Взламывали днища, отдирали плахи обшивки, рушили из гнезд стройные мачты. Начальник — письменный голова Чулков — не только не протек, но всячески поощрял безумные и загадочные действия своих подчиненных. Он только зачем-то указывал на высокую гору. Он с товарищами обошел эту гору, скрылся из виду и затем появился на ее вершине. И тогда, разломав свои корабли, ратные люди схватили плахи и бревна. Толпа воинов двинулась туда, на гору, где стояли начальники. Люди поднимались не по крутому обрыву, а в обход, с луговой стороны, и тащили туда ладийный

лес. Издали это напоминало суету муравьев, которые тащат соломинки к своему муравейнику.

Над крутым обрывом иртышского берега, на высокой горе, возникал частокол. Теперь все стало ясным и для татар. Русские не намеревались напасть на столицу хана Сеида. Но здесь, на горе, вблизи от Искера — старой ставки татарских владык, русские ставили свою крепость. Письменный голова Данила Чулков сооружал из судового ладийного леса новый город.

Так сооружали города в древности славяне и варяги. Это был испытанный способ — быстро и крепко!

Имя новому городу Чулков нарек Тобольск. Это название звучало бы для татар как «город многолетних трав с розоватыми, желтоватыми и белыми цветами». Река Тобол получила свое название от тюркского (башкирского) слова «тобол», означающего траву, которую мы зовем таволгой. Таволга росла, да и ныне также буйно растет по Тоболу. Но город возник на высокой, голой, открытой для всех ветров возвышенности, с юга огражденной глубоким ущельем, а с запада круто обрывающейся в Иртыш. Этот двадцатипятисаженный обрыв был почти неприступен из-за зыбучих песков. Сзади, с луга, вела к городу довольно крутая дорога. В эту сторону и смотрели городские ворота. Вокруг города, вдоль тына, насыпали вал. Такое укрепление достаточно охраняло городские постройки, которых по началу было и не весьма много — дом воеводский, где поселился Чулков, склад, амбар, да землянки, крытые дерном, — жилища для ратных людей. В тот же год приступили и к постройке храма — из того же ладийного леса на скорую руку сколотили церковь «живоначальной Троицы». Потому и гора, на которой вырос город, впоследствии получила название Троицкой. По преданию, в новую церковь были принесены иконы, принадлежащие когда-то походной часовне Ермака. И достоверно известно, что царь Федор срочно прислал из Москвы две иконы — образ Спасителя и божьей матери Одигатрии, чтоб эти иконы даровали новому русскому городу победу над опасным соседом — Искером.

Но на бога надейся, а сам не плошай! Эту старую истину лучше, чем кто-нибудь, помнил мудрый письменный голова Данила Чулков. Царь бьет себе в колокола да дарит иконы. А вот тут что делать дальше, как быть?

Кое-какие соображения на этот счет у Чулкова имелись. И когда воеводы Сукин и Мясной, приехав в Тобольск, спросили, не думает ли Данила, что надо пойти на Искер, Чулков возразил — он, де, предполагает, наоборот, пригласить в гости хана Сейдяка. Пир надо устроить, веселую задушевную беседу. Зачем война, кровь? Таков, мол, и наказ царя, переданный через боярина Годунова. Годунов, де, кое-что говорил об этом.

Воеводы согласились, что можно и так, особенно если таков наказ боярина Годунова. Пир да мир — дело хорошее.

Однако, Чулков не торопился и с этим. Известно, мол, что ожидается к Сейдяку в гости казахский султан с юга. Когда приедет, пригласим обоих! А пока что письменный голова затевал дружбу с татарами, с простым народом, чтоб не пугался он русских, приучался доверять. Не раз приглашали тобольские люди татар в город, часто выезжали в юрты и сами. Но все же нередко мир нарушался татарами. Нет-нет да и нападали они на русских, покинувших город. И горе было тогда зазевавшемуся казаку, ратному человеку. Как ястреба налетали враги и уносили добычу. И всплывало потом на Иртыше мертвое, голое, изуродованное тело. А некоторое время спустя опять мир, улыбки, оправдания, что, мол, не мы, мирные соседи, устроили набег, а какие-то чужие, нездешние люди. Что ж! Казакам приходилось делать вид, что они этому верят...

4

Но вот летом семь тысяч девяносто шестого года узнали тоболяне, что султан казахской орды Уразмухамед явился в Искер к хану Сеиду. Хан пышно встретил султана. Два владельца не виделись уже давно и, по видимому, решили встретиться, чтоб обсудить на досуге много важных дел. В частности, они решили совместно осмотреть новый русский город Тобольск. Осмотреть хотя бы со стороны, но внимательно, по-деловому. А осуществить этот план хан Сеид задумал под видом большой ястребиной охоты на берегу Иртыша и на лугах возле нового города. Эта затея давала повод появиться у самых стен Тобольска. Будто заехали сюда невзначай, гонясь за добычей.

Пятьсот татарских и казахских всадников выехали

из Искера по направлению к тобольскому устью. Среди этой напоминающей войско свиты находились хан Сеид, казахский султан Уразмухамед и мудрый татарский мурза Карача, — тот самый, что предательски заманил когда-то в засаду и убил Ивана Кольцо, соратника Ермака Тимофеевича. Кавалькада, следуя по берегу Иртыша, появилась близ Тобольска. Вскоре татары выехали на луг, что меж Чувашиами и Троицкой горой.

Данила Чулков, наблюдая со стены городской за действиями татар, разъяснил тоболянам сущность татарской ястребиной охоты. Ястребов они приручают просто. Нахлобучивают на глаза ястребу колпачок. Снимают с ястреба колпачок лишь тогда, когда птицу кормят или пускают за добычей. Принес добычу, получил награду — и снова под колпачок, во тьму. Так, мол, и Кучум да и этот хан Сейдяк поступают и со своими воинами. Держат, яко во тьме, под колпачком неведения, чтоб не знали, что такое мощь российского государства. «Русские де, мол, нам не страшны!» — говорят темным татарам ханы. Колпачок с глаз снимают они воинам лишь во время охоты — войны. «Айда, в бой, за добычей!» И летит воин-ястреб, хватает случайную добычу. Налетает орда на русские села. Победа! Не знают темные татары, что эта победа призрачная, что все равно не побороться им с Русью, что новые и новые русские отряды придут на смену прежним. И смеялся Чулков, указывая на татар, на их головные уборы: «Ишь, колпачки-то на глаза нахлобучены! Видите, казаки? Не охотничьих ястребов, а их хозяев — вот кого надо опасаться».

«Князь Сейдяк владелец бе, и салтан царевич казачьи орды, и думный кучумов пушаше за птицами ястребов. И воевода послаше послов к Сейдяку, чтоб жить им в мире и приехал бы к нему во град, любезно да советуют и живут по-братски заедино». Так повествует тобольский летописец*. Осталась и картина, изображающая это событие. Слева — Троицкая гора, на которой стоит город Тобольск, окруженный деревянной стеною с башнями; внизу — Иртыш, корабли; справа — луг, получивший позднее название Княжьего в память этой самой ястребиной охоты князя Сейдяка. Из города

* С. Ремезов. См. о нем главу V.

на дуг спускаются послы Данилы Чулкова. А в верхнем правом углу картины изображены Сеид, Уразмухамед и мурза Карача в сопровождении копыеносной раги. Над ними кружатся ястреба.

Сеид не сразу принял заманчивое предложение побывать в Тобольске. Звали на пир, на мирную беседу, но владетель старой Сибири вовсе не питал миролюбивых чувств к русским. Он только и мечтал о том, как бы уничтожить этот новый русский город на горе. Вся охота, как сказано, была замаскированной разведкой. Сейдяк вовсе не намеревался жить с Чулковым «по братски и заедино». Он колебался дать согласие. Задумались и татары.

Знал ли он, что таким же волнением, такими же сомнениями охвачены и русские люди там, в Тобольске? А вдруг татары, заехав в город, начнут погром? А те, кто остались, — окружат город. Так думали многие из тоболяни. Но Данила позаботился обо всем. По условию, сопровождать Сеида в город должны были только сто человек.

Сейдяк тем временем советовался со своими приближенными и с гостем. Казахский султан, повидимому, человек очень любопытный, был не прочь посмотреть город изнутри. И среди татар нашлись люди, полагающие, что русские не смогут ничего плохого сделать.

Сейдяк принял решение.

Сто три азиатца, озираясь, въехали в ворота Тобольска, в ворота города, который рано или поздно они рассчитывали взять. Четыреста всадников расположились у городской стены.

Силы у обеих сторон были равные — пятьсот тех и пятьсот других. И если русские имели, как преимущество, огнестрельное оружие, то татары находились в более выгодном положении — в случае надобности, они могли, обложив Тобольск, собрать тем временем любое количество людей для штурма города.

Хан, султан и мурза проследовали в дом воеводский к пиршественному столу. Сеид сел рядом с людьми, которых рано или поздно он решил уничтожить. Но эти русские люди встретили его, хана, чрезвычайно почтительно. И надо полагать, Сеид не сразу мог догадаться, что эта почтительность была слегка иронической. Хан Сеид не бывал при дворе покойного Иоана IV, а эти воеводы бывали. Хан Сеид не видывал, как царь

Иоан Грозный принимал гая, в Москве, подозреваемых в измене бояр, как вкрадчиво и даже ласково встречал своих недругов, прежде чем вывести их на свежую воду. А эти русские воеводы Сукин, Мясной и Чулков были выучениками Иоана. Они все трое были людьми не особенно знатных фамилий, не принадлежали к родовой знати. Они были питомцами царя, который беспощадно расправлялся со спесивой родовой знатью. И в лице хана Сеида и султана Уразмухамеда они видели теперь азиатскую знать, которую едва ли особенно чтити. Во всяком случае, в вежливости воевод и Чулкова было нечто такое, что заставляло казаков улыбаться.

Итак, гости сидели за столом. Хозяева потчевали. О чем говорили они сначала? Должно предполагать, что прежде всего разговор зашел о здоровья и благополучии присутствующих. «Здоровы ли скот и души ваши?» — обычная формула азиатской вежливости. Говорили о здоровья царя Федора и царицы Ирины. Возможно, что зашла речь и о пресловутой бабе-лекаре, что прибыла из Англии для помощи царице Ирине при родах. Роды царицы! Вопросы русского придворного быта не могли не интересовать хана и султана. Весьма вероятно, что вспомнили и про Ермака Тимофеевича, про славные битвы татар с русскими здесь, в окрестностях старой Сибири. Ведь это было недавно, всего восемь лет назад. И уж наверняка речь зашла о дальнейших планах татар. Что, мол, думает хан Сеид о будущем? Зачем пришли с войском под самый город? Только ли на охоту?

И тут-то, как повествует летописец, хан Сеид и опустил глаза «глаголя оману в слове». Он стал говорить что-то невнятное, «седоша за столом и бояшеся». И заметили русские, что Сеид вдруг задумался, не пьет и не ест.

Задумался.

Тогда Чулков и спросил Сеида:

— Что на нас мыслиша зло?

Данила взял чашу и поднес ее хану. Сказал всем трем гостям:

— Если не мыслите на нас зла, выпейте чашу сию за здравие!

Сейдяк взял чашу. Он поднес ее к губам. Но, как повествует летописец, вдруг «поперхну в гортани его».

И воевода и воины заволновались, услышав этот не-приличный кашель Сейдяка. Как повествует летописец, «обличе бо их зломыслие бог!» И тогда поднялся со своего места Данила Чулков, переглянулся с товарищами и, «с тихостью махнув рукой казакам», подал долгожданную команду. «И нача бити поганых».

Сенд понял. Ястребиная охота кончилась неудачей. «Видев же Сейдяк убийство своих, кинулся в окно, за ним салтан и Карача».

Но не тут-то было. Все «пойманы быша и связаны быша».

Вот что произошло в избе воеводской. Что же сделали те, кто был за ее стенами и за стенами города? Кинулись ли они на помощь своему хану? Нет! Поведение татар еще и еще раз показало, что сибирскому царству пришел конец. «Стоящие вне града, слыша яко побежден Сейдяк и еси с ними, от великого страха побегоша и во град свой Сибирь не внидоша, но мимо». Татары, убегая от Тобольска, пробежали даже мимо своей столицы Искера. Они побежали прочь, увлекая за собой даже тех, кто оставался в Искере. «Прочие ж, слыша во граде и побегоша и устремишася». Куда? На Вагай, до Кучума.

Хан, султан и мурза сидели под караулом. Чулков и воеводы весело заканчивали пир. Они смеялись над обманутой азиатской знатью. Сам покойный царь Иоан Грозный одобрил бы воевод за такую хитрость. Он не порицал подобные способы действия. Разве не мудро поступил Данила, протянув кубок? «Аще не мыслите на нас зла, выпейте чашу сию во здравие!» Кто велел Сейдяку поперхнуться. И разве поганые не поступили еще более коварно с Ермаком Тимофеевичем, прямым обманом заманив Ермака в засаду на Вагае? А кто погубил атамана Кольцо? И грозили они Караче повторяя: «Око за око!».

5

Три пленника недолго оставались в Тобольске. «Лета 7097 сентября в 10 день посла воевода Данила Чулков Сейдяка, Султана и Карачу к государю в Москве». Федор Иоанович радовался как ребенок этим трем пленникам, но он не знал еще, что с ними делать, — казнить или миловать, — и предоставил решить

этот вопрос тому человеку, который фактически вершил дела государевы. Дородный и разумный шурин и правитель, слуга и конюший боярин, дворовый воевода и содержатель великих государств — царств казанского и астраханского — Борис Федорович Годунов, вот кто встретил в Москве трех пленников тобольских. Годунов торжественно принял пленников, милостиво беседовал с ними о делах сибирских, утешил и сказал царю, как поступить с ними должно. «И повеле их государь крестити и указал им корм и вотчины на прожив».

Земли, которые были пожалованы пленникам здесь, в России, оказались не хуже сибирских. Они обеспечили всем трем безбедное существование. Потомки их благополучно жили в Москве. «Есть же род тот и днесь», — отметил через сто лет историк Сибири Ремезов. Так владетели старой Сибири превратились в зажиточных москвичей. А тем временем Данила Чулков с товарищами продолжали свою нелегкую работу по укреплению нового города Тобольска, города, выстроенного из ладийного судового леса.

Разнообразна судьба флотилий, построенных из русского доброго леса. Английская флотилия, построенная из этого леса, разбила в 1588 году непобедимую Армаду испанского короля Филиппа, положив конец могуществу Испании в Атлантическом океане. А маленькая русская флотилия Чулкова перестала существовать, дойдя до тобольского устья. Нехитрые речные ладьи пошли на постройку изб, церкви и тына тобольских. Но можно поспорить о том, судьба которой флотилии наиболее значительна и славна. Выстроенный из ладийного леса городок Тобольск стал стольным городом Сибири. И кто как не храбрые жители этого нового русского города сумели утвердить мощь России во всей северной Азии, сумели в течение столетия присоединить к России огромные пространства от берегов Ледовитого океана до берегов Амура, от Чукотского полуострова до туркестанских пустынь.

Старики, участвовавшие в постройке Тобольска, дожили до того времени, когда их внуки вышли на берега Великого или Тихого океана.

Письменный голова Данила Чулков едва ли мечтал о таком славном будущем этого маленького города. Он тогда знал наверняка лишь одно: покончено с Искером, покончено с так называемым царством сибирским. И по-

конец по-божески, без тяжелых потерь, без кровопролития. Хан с султаном и мурза обласканы в Москве боярами. Простой народ татарский, отставая от Кучума и его сыновей, возвращается мало-помалу в свои деревни. Сохранены многие сотни человеческих жизней — русских и татарских. И как сохранены? Силою слова! Данила Чулков, грамотей, письменный голова, знал силу и мощь этого магического оружия, имя которому — слово. Он хорошо помнил слова евангелиста о том, что некогда «бог бе слово и слово бе бог». И не раз повторял это Данила Чулков храбрым своим товарищам, тоболянам. Поистине, он действовал не как заурядный воевода, но как передовой политик своего времени, этот письменный голова, ставленник шурина царского, мудрого боярина Годунова.

II. ВРАТА АЗИИ

1

и не был особенно знатен, этот «татарин», потомок крещеного мурзы Чета. Не блистал ученостью, плохо знал даже грамоту — «не был навичен простым буквам». Родовитые бояре относились к нему поначалу с брезгливою ненавистью. Опричник! Женился на дочке Малюты Скуратова! Зять палача!

Но вскоре узнали еще об одном браке. Сестра «татарина» Ирина стала женою царевича Федора.

Так Годунов еще более приблизился ко двору. И в последние годы жизни Иоана Грозного боярин Борис Федорович Годунов стал значить больше, чем вся вместе взятая княжеская аристократия. Все только дивились, сколь муж сей чуден и сладкоречив.

После смерти Иоана бояре попытались отдалить Годуновых от молодого царя. Строили козни против Ирины, что, мол, не подарит она царя потомством, что надо Федору разводиться с Ириной, а ей уходить в монастырь. Но брат царицы не дремал. Нашлась у него на всех врагов управа. Бояре проиграли. Остались на своем месте и Ирина и Борис. За Бориса стояла мощная общественная сила — дворянство... Немало знатных бояр отправилось в тюрьму, в опалу, в ссылку. И вскоре Борис Годунов занял должное место — первое после царя. Англичане, наблюдавшие эту борьбу за власть, определили новое положение Годунова коротко и ясно: лорд-протектор русского государства.

Англичане, равно как и голландцы, с большим вниманием наблюдали за внутренними делами России и, в частности, весьма интересовались судьбой вновь завоеванных восточных провинций. Они хорошо знали о судьбе хозяев Искера, бывшей столицы сибирской. Да! Там, рядом с Искером, возник русский город Тобольск; администрация тобольская взяла в плен туземных владык, хан Сеид привезен в Москву, пожалован и обезврежен. Но ведь главный враг — царь сибирский Кучум — еще на свободе, Кучум еще борется. Что предполагается предпринять по отношению к Кучуму? Думают ли русские исследовать страну дальше? Особенно юг, те края, куда скрылся опасный Кучум?

Лорд-протектор русского государства, всемогущий боярин Борис Годунов в ответ на эти вопросы лишь улыбался. Так мог улыбаться лишь он — ласково и загадочно.

— Исследовать дальше страну, — отвечал он, — конечно предполагаем. А что до Кучума, так Кучуму ныне более всего нужны лекарства. И еще одна вещь: очки! Да, да! Самые настоящие очки. Плохо стал видеть Кучум. Он слепнет.

Это не было политическим иносказаньем. Согласно многим известиям из Сибири, беглый царь Кучум страдал опасной болезнью глаз. Однажды, через парламентариев, Кучум выразил даже негодование по поводу того, что русские отобрали у каких-то татар ящичек с лекарствами, необходимыми Кучуму для личного потребления.

Англичане все ж принимали разговоры об очках Кучума за шутку. А они не были склонны шутить. Вопрос о Сибири — серьезный вопрос. Страна не исследована. Нужны опытные ученые люди, которые могут навести что надо на карту, уточнить пути. Может быть русским тут нужна помощь? У русских мало грамотных, ученых. Можно помочь на известных условиях. При Иоане IV русские прекрасно сговаривались с англичанами, давали им многие привилегии, ценили дружбу. И теперь англичане надеются, что правительство продолжит мудрую политику Иоанна. Иоанн награждал англичан за то, что открыли они Северным морем в Россию... Словом, не будет ли также англичанам

снова искать морской путь в Сибирь, искать речной путь через Сибирь для торговли с Индией и Китаем. А за это кое-какие права, преимущества.

— Море опасное, ледовитое. На реках льды, — так отвечали англичанам. — Русские люди не могут брать на себя ответственность за жизнь англичан там, за Камнем. Нехорошо будет, если погибнут дорогие гости.

— Ну, тогда хотя бы съездить в новый город Тобольск, посмотреть, что за Тобольск!

— Что ж! Тобольск — город еще совсем маленький и ровно ничем не примечательный. Нет, там нет для англичан ничего интересного. Негде там и жить гостям. Право!

Так отвечал мудрый боярин Борис Годунов. Вовсе не англичан и не голландцев хотел он видеть сейчас там, за Камнем. Других людей посылал он в Тобольск и его окрестности.

3

Бирючи разъезжали по широким русским дорогам, кликая клич, призывающий всяких бывальцев и видальцев, к ратному делу привычных, итти на службу туда, в страну Сибирь. Годунов добился от царя полной свободы в выборе этих людей. Принимали на службу сибирскую и дворян, и детей боярских, и гулящих людей, и стрельцов, и казаков, и пленных литовцев, и въезжих черкас, и мурз татарских с Поволжья. Тех, кто ехал за Камень, обильно снабжали вооружением и деньгами, ставя только одно условие — честно служить. Брали, конечно, обещание «не воровати, корчмы и блянды не держати, зерню не играти и не красти». Бывалые люди охотно давали обещания, хотя выполняли далеко не всегда. И это, конечно, прекрасно знал лорд-протектор русского государства. Но что было делать? Ангелы божьи не слетали с небес, чтоб завербоваться на сибирскую службу. Приходилось довольствоваться теми, кому хотелось попытать счастья, кому надоело сидеть дома или бродить по корчмам и широким дорогам.

В северных, ближних к Уральским горам областях государства — в Вологде, Устюге, Перми — вербовали крестьян, чтоб ехали они за Камень. Каждый переселенец получал от казны «по три мерина добрых, да по три коровы, да по три козы, да по три свиньи, да по

пяти овец, да по два гуся, да по пятеру куров, да по два утят, да на год хлеба, да соху со всем для пашни, да телегу, да сани, да всякую житейскую рухлядь, да еще на подмогу по двадцати пяти рублей человеку». Снаряжали неплохо.

Заботились и о том, чтоб на месте, в Сибири, люди не имели нужды в предметах первой необходимости. То и дело посылали в Тобольск обозы с грузом всякого добра — с крупами, солью, тканями, обувью, железными изделиями, посудой, вином — церковным и кабацким. И рос стольный город Сибири не по дням, а по часам. Вскоре вокруг острога появились многочисленные избытки посадков, в окрестностях возникли селенья, соседствующие со старыми татарскими юртами. Часть татар прикочевала к самому городу. Татары говорили, что они — мирные и не имеют ничего общего с теми, кто ушел к беглому царю Кучуму. А Кучум, де, блуждает со слепу где-то там, за Омью, в Барабе.

Однако, подслеповатость не помешала Кучуму объявиться однажды в окрестностях Тобольска. Это было через три года после основания города. И тогда, в начале 1590 года, правительство послало в Тобольск испытанного военачальника и дипломата князя Владимира Васильевича Мосальского-Кольцова. (Это, собственно, и был первый воевода тобольский. До тех пор Тобольск входил в ведении тюменских воевод). Явившись на смену основателю города Даниле Чулкову, князь Владимир должен был сразу же оборонять город. Кучум грабил окрестности, уничтожая русские селенья и селенья признавших русскую власть татар. Князь Владимир прогнал орду, но вскоре нападение повторилось. И опытный военачальник князь Владимир Мосальский понял, что маленький, состоящий из пяти-сот человек гарнизон Тобольска едва ли сможет противостоять всей Сибири татарской. Но недаром князь Владимир считался не только полководцем, а и мудрым политиком. Годунов знал, кого он посылает в Сибирь. Участник литовского похода, человек, сумевший когда-то собрать под русские знамена жителей Прибалтики, энергичный организатор, князь Владимир не растерялся и здесь, в Сибири. Он сумел собрать и двинуть на Кучума ополчение, состоящее наполовину из татар. Князь Владимир сумел доказать татарам, что их враги — не русские люди, а хан Кучум. И он доказывал это делом.

Он брал их на службу толмачами, ямщиками, воинами. оказывал им всяческое доверие, оберегал их права. Таков был наказ Годунова. Татары под властью Москвы должны себя чувствовать не хуже, а лучше, чем под властью Кучума. Кучум — это старый вор!

Едва ли ожидал царь Кучум, что двинутся на него от Тобольска татары. Но вышло именно так. Русско-татарское ополчение отогнало кучумовцев далеко в степи. Кучумовцы были разгромлены на верховьях Ишима. Сам Кучум успел скрыться, бежать. Может быть Мосальский повел бы свое войско еще дальше, в погоню за беглым царем сибирским, но вскоре был отозван князь из Сибири в Москву, получил назначение воеводой в большом полку и выступил против шведов. А на смену Мосальскому явился в 1592 году князь Федор Михайлович Лобанов-Ростовский. Он, как и его предшественники, получил от Годунова подробные инструкции относительно того, что делать. Добрую половину тобольского гарнизона заставил он покинуть стены острога. Одних направил на низовья Оби помогать воеводе Трахониотову строить новый город Березов, который и был поставлен в 1593 году, других в следующем году послал еще дальше — ставить Сургутский острог. А вслед за тем послал из Тобольска человек двести пятьдесят казаков, стрельцов и литвы на юг, в новый город Тару. Так почти все старое население Тобольска рассеялось по стране. Но взамен этим людям прибыли из-за Камня новые — бирючи Годунова продолжали кликать свой клич на всех путях и перепутьях. И город рос.

Князь Федор был человеком опытным в делах восточной политики — недаром провел перед этим несколько лет в Астрахани, русским эмисаром при так называемом «астраханском царе» Мурате. Этот Мурат был пленным крымским царевичем. Правительство, рассчитывая использовать Мурата в дальнейшем против Крыма, дало пленнику титул астраханского правителя, но князь Федор наблюдал за ним. Там, в Астрахани, Лобанов научился обращению с азиатами. И здесь, в Сибири, эта наука пригодилась.

Дела шли хорошо. Ставили новые остроги, очищали от бродячих орд дороги к стольному городу Тобольску. Помнил сибирский воевода наказ Москвы: так или иначе обезвредить Кучума со всем его родом, налажи-

вать добрососедские отношения с народом Сибири и сопредельных стран Востока, стремиться к тому, чтобы шли в русскую Сибирь охотно торговцы из Бухары, из Джунгарии, из Кокандского ханства. Тобольск, де, должен стать воротами Востока!

Ворота Азии должны быть величественны. Князь Федор Михайлович чуть ли не заново перестроил весь город. Крепкие, но неказистые постройки из ладийного леса, сооруженные когда-то Данилою Чулковым, показались князю Лобанову недостойными нового времени. Они уж отслуживали свою службу. Пришло время заменить лачужки и землянки добрыми избами. Весь рублений, новый, нарядный стоял теперь город на Троицком мысе. Если первая церковь представляла собою просто сруб из дерева, покрытый дранью и дерном, из которого торчал крест, так теперь появились церкви с тесовыми крышами, спуски которых были украшены резьбой.

Церкви, высокие башни острога. К этим величественным строениям скоро добавилось еще одно — с крыльями. Специальные мастера, приехавшие из Москвы, соорудили это строение — первую мукомольную мельницу в северной Азии. Ветряная мельница, высокая, точно храм, привлекала особое внимание азиатов — гостей из степи, лесов и тундры. И все больше и больше таких гостей появлялось в Тобольске, все богаче и богаче делался рынок.

4

Борис Годунов внимательно следил за жизнью далекого сибирского города. Он заботился о Тобольске, его благополучии, его росте. «Послать в Тобольск!» — эта фраза часто слетала с уст Годунова. «Послать в Тобольск провиант!» «Послать в Тобольск перебежчиков с запада, чтоб по Москве зря не шлялись, а там бы нашли себе дело по нраву». «Послать в Тобольск провиантившегося ратного человека, чтоб усердною службою в Сибири загладил вину». «Послать в Тобольск пона вместе с церковной утварью, а то люди без духовных пастырей дичают».

Послать в Тобольск!

— У «татарина» сердце лежит к татарской стороне, — злословили бояре. И думали многие из недоброжелателей Годунова: придет время, авось, пошлем в

твой Тобольск и тебя самого, в ссылку, да не воеводой, а просто так, погоним пешком. Тогда любуйся своим Тобольском, дружи там с татарами!

Пятнадцатого мая 1591 года в северном городе Угличе погиб восьмилетний царевич Дмитрий, младший сын покойного Иоана IV от седьмой жены его Марии Нагой. Толпа растерзала людей, заподозренных в убийстве царевича. Ударили в набат. «Великое замешательство» возникло в Угличе. Кричали, что царевич убит не сам, напоровшись на ножик, а убит по приказу Бориса Годунова. С крикунами расправились. Было казнено человек двести, в том числе священник Федот и соборный сторож Кузнецов, которые били в набат на колокольне. Их умертвили. Но что было делать с колоколом? И не сладкоречивый ли боярин Годунов, улыбнувшись, сказал царю: «Колокол послать в Тобольск! Отсечь ему ухо и в Тобольск!»

Летом 1593 года угличский колокол был доставлен к месту назначения. Воевода тобольский, князь Федор Михайлович Лобанов-Ростовский только руками развел, взглянув на этот печальный подарок. Когда колокол перекладывали из повозки на землю, ущемленный язык его брякнул. Люди переглядывались и качали головами. От привезших колокол тоболяне узнали о том, что творится в столице. Царь Федор, де, вовсе плох, делами государственными не занимается, сторонится от всякой мирской доуки. Все передоверил Борису. И правляется Годунов с врагами своими, как хочет. Но все же не всех противников уничтожил. И грозитя кое-кто Бориса камнями побить. А если царь Федор помрет, то хотят назначить на московский престол австрийского эрц-герцога Максимилиана. Так, тайком делились москвичи кое с кем из тоболян столичными новостями. Однако, воевода прекратил толки... Усеченное ухо угличского колокола напоминало о том, что человеческий язык сократить можно еще легче, простыми клещами. Тоже задумали — Максимилиана!

Колокол же приказал воевода укрепить на церкви Всемиловейшего Спаса, что на торгу. Глядели на этот колокол приезжающие в Тобольск для торговли татары, калмыки, кокандцы, бухарцы. На благовест этого колокола сходились русские люди молиться, чтоб дал бог победу храбрым лыжникам, что ушли в зимний поход в Барабу из нового города Тары. Под благовест

этого колокола неумело молились русскому богу ново-крещенные татарки, вогулки и остячки — молодые казачьи жены. Много их появилось в Тобольске, равно как, впрочем, и во всех других городах и острогах сибирских. И нарождалось новое племя — смуглых, маленьких сибиряков. Это угличский колокол гудел над городом, предупреждал жителей о пожарах — красный петух страшил жителей, пожалуй, сильнее, чем царь Кучум. Что Кучум? Плохи были дела этого беглого сибирского царя. Трепеща внимали благовесту колоколов тобольских пленные жены и дети Кучума, захваченные в 1598 году тобольскими ратными людьми в южных степях. Кучум опять ушел, — бежал в сторону Туркестана, но жены его и сын оказались здесь, в Тобольске. Эти пленники с великим изумлением смотрели на русский город, такой величественный и красивый на высокой горе. Искер, бывшая столица Кучума, казалась просто деревней по сравнению с Тобольском. На развалинах старой Сибири каркали вороны.

5

В том же самом 1598 году в Москве, в крещенье вечер, скончался Федор Иоанович, последний царь из династии Рюриковичей. Федор не оставил потомства.

Новый царь Борис Годунов в начале следующего года потребовал из Тобольска в Москву пленное семейство Кучума. О прибытии пленных цариц и царевича говорила вся столица. Присутствовать при въезде кучумовичей в Москву хотели все западно-европейские послы и гости. Какова она Сибирь, эта далекая и заманчивая Сибирь, дороги в которую так ревниво оберегает от европейцев русское государство.

Царь Борис обещал показать пленников. Он готовил торжественный въезд их в столицу. Но прежде чем допустить семейство Кучума к воротам Москвы, Годунов решил сам узнать, как выглядят пленники.

Цариц и царевича везли в том виде, как они были захвачены в степях. Смуглое лицо царя Бориса еще более потемнело от досады, когда он увидел, в каком жалком виде и одеянии находятся члены семейства Кучума.

«Вымыть и переодеть!» — таков был указ царя. Процессию задержали в одном из подмосковных сел. Гряз-

ные и вшивые лохмотья полетели в русские печи. «Ну, царь Кучум. До чего довел он свою фамилию!» На сме-ну лохмотьям появился целый воз достойного царствен-ных особ платья. Царице Салтаным подали вместо ов-чинной шубы «шубу камку адамашну», рудожелтую, на куницах, опушенную атласом с серебром, в кружевах с корольковыми пуговицами. Вторая, младшая, царица Суйдежан получила белую шубу на пупках собольих, опушенную золотым атласом, с серебряными пуговица-ми. На царевича Асманака надели новую ферязь, сукно которой было «багрец червончат», завязи — зеленого шелка с золотом. Дали ему еще кафтан из персидской камки, шапку лисью, сапоги сафьяновые желтые...

На расписных саях, запряженных цугом и ведомых особыми проводниками, одетыми в сибирские меха, въехали в Москву пленники. Во главе этого поезда шли ратные люди, разгромившие Кучума в степях, — сотник Воейков, казацки атаманы Казарин Волпин и Третьяк Жаряной, дети боярские Илья Беклемишев и Федор Лопухин, одиннадцать конных и шесть пеших тобольских и тарских казаков да девять сибирских воин-нов из пленных литовцев.

Царь Борис щедро наградил всех храбрых сибиряков, так успешно действовавших против царя Кучума. Но не менее благосклонно и ласково встретил Борис и пленников. Добро, мол, пожаловать в Москву. Нехва-тает только среди вас повелителя вашего, самого царя Кучума... Прибыв, заслужил бы и он многие подарки и почести. Что ему бегать, скитаться в степях да творить русским людям пакости скрытно? И здоровье его уж слабеет. Как его глаза? Слепнет все пуще и пуще? Здесь, в Москве, с божьей помощью вылечили бы ис-кусные лекари.

Улыбались сквозь слезы царицы. Не ожидали они такого приема в Москве.

6

И в те же дни дал царь Борис указ об освобожде-нии всех народов сибирских от уплаты ясака за 1600 год. А возвращающимся в Сибирь людям наказал сде-лать все для того, чтобы упрямый старик Кучум сдался добровольно.

Искать Кучума тобольские власти поручили всту-

пившему на русскую службу татарину мурзе Сеиуту Тул-Мамету. Но разысканный где-то в лесах старый царь ответил парламентарю, что, де, не поехал он, Кучум, сдаваться, когда был еще силен и мощен, а теперь, мол, Годунову вовсе видеть его, Кучума, неинтересно. «Не поехал я к государю и по государевой грамоте своею волею, в кою пору был совсем цел, а за сиблею мне теперь ехать ко государю не по что; ныне я стал слеп и глух и без всего живота, взяли у меня промышленника сына моего Асманака...» Так ответил он парламентарю.

Но вскоре перестал Кучум нуждаться и в сыновьей поддержке и в богатствах и в лекарствах для своих слезящихся глаз. Упрямый старик, отправившись через калмыцкие степи куда-то по направлению к Бухаре, может быть за поддержкой эмира, был убит около озера Кургадджин во время распри с казаками или калмыками вата каких-то лошадей. Так кончил свои дни царь сибирский. И Борис Годунов, утешая там, в Москве, безротевавших цариц татарских, не мог не радоваться такому исходу дела. Тоболянам же дал он тотчас указ тишить и изводить оставшихся на свободе сыновей Кучума, которые, объединившись после смерти отца с калмыками, рыскали теперь по сибирскому рубежу на Тобол, Туре и Анжее.

Ни на час не забывал царь Борис о Сибири, о ее полях и лесах, о тихом Тобольске, над которым плывет благовест угличского колокола. Этот колокол стал теперь свидетелем торжества царя Бориса. Не через Тобольск ли проехали в пелымскую ссылку враги Бориса—бояре Иван Никитич и Василий Никитич Романовы? Не через Тобольск ли шли в Москву восточные ткани и пряности и пившему меха Гипербореи—северного Лукоморья? Тобольск! Не забывал царь Борис этого своего азиатского детища—Тобольска, города сибирского стольного. И посылал Годунов своим сибирским воеводам и ратным людям жалование золотыми, звонкой полновесной монетой и каждому человеку по особому указу. Не скупились на богатые подарки самому стольному городу. И рос город не по дням, а по часам. Вскоре он распространился с Троицкой горы на соседний мыс по другую сторону торгового взвоза. Обрастал слободами, селами... А дороги, идущие от ворот тобольских! Куда вели они? Теперь это понимала вся Европа.

И когда англичане снова попытались получить от царя Бориса разрешение искать через Сибирь путь в Китай и Индию, Годунов только пожал плечами. Путь в Китай и Индию храбрые тоболяне найдут и без чужой помощи. За то и платит им Годунов не скупясь, чтоб не сидели они у печек в Тобольске, а делали дело.

И поняли иноземцы, что не уступит им Сибири царь Борис, этот правитель чудный и сладкоречивый, этот человек, в жилах которого вместе со славянской кровью течет и азиатская, жаркая азиатская кровь крещеного мурзы Чета.

III. ЛУКОМОРЬЕ

можно считать точно установленным, что как среди сподвижников Ермака, так и среди людей, нанимавшихся на сибирскую службу при Годунове, было немало грамотеев. Умели и читать и писать. Простые казаки из ермаковой дружины дали позднее архиепископу Киприану письменные показанья о походе в Си-

бирь. И надо полагать, что многие из этих грамотеев, собираясь сюда, за Камень, были уже знакомы со старинными писаниями о «незнаемой восточной стране».

Много заманчивого рассказывалось о Сибири и о Северном Урале в старинных сказаниях новгородских. Выходило так, что еще лет за пятьсот до похода Ермака начали стремиться русские люди на Восток, за Камень. Приходили сюда торговать, заключали союзы с вождями здешних племен, предлагали им дружбу, вступали в споры. Было за что и поспорить. Серебро, моржевые клыки, а главное — мягкая рухлядь — пышные драгоценные меха, за которые чистым золотом расплачивались и арабы, и персы, и свен, и франки. Но люди, оберегающие эту страну сокровищ, были дикие, опасные люди. Их, по преданиям, когда-то загнал в Камень сам царь Александр Македонский. Из дивного полуденного Солнче-места погнал Александр этих человек племени Иафетова за Русь, на полночь, туда, где стоят горы, заходящие в луку моря, имеющие высоту до небес. И в

горах тех клич велик был и говор. Сначала «дикие человецы» сидели в Камне, в недрах гор, куда загнал их Александр Македонский, да прорубили в Камне оксицы малые, «хотяще высечися». И протягивали руки, прося железа — ножей, секир и топоров, — суля в обмен мягкую рухлядь. С помощью русского железа сумели-таки освободиться из каменного плена. И стали встречать купцов на дорогах и в горных щелях, и попрежнему выменивают меха на железо, на оружие, чтоб, вооружившись, обратить это оружие против тех, кто вооружил. Таков смысл сказаний новгородских. А что далее, за Камнем? «Мужи стариин», ходившие «за югру и за самоядь», будто бы сами видели в полунощных странах, как появляются над тундрою тучи, из которых валятся наземь пушные звери. «Спаде веверица млада, аки топерево рождена, и взростиши и расходится по земли. И паки бывает другая туча и спадают оленицы малые в ней».

Чудеса! И не один чернец монастырский, начитавшись подобных известий, бросал тихую обитель, чтоб бежать на клич бирюча. В Сибирь! В Лукоморье!

И из уст в уста, от грамотеев к невеждам, передавались рассказы о волшебных странах.

2

Однако, стольный город сибирский Тобольск, сколь ни был он дивен, все же мало походил на Лукоморье новгородских сказаний.

Расспрашивали обо всем этом русские люди татар. Татары тобольские подтверждали, что действительно волшебная страна есть. Там, на севере. Кучум, да и прежние цари брали дань со многих племен приобья, но самые ценные меха — дальше, на полночь. Есть страна Мраков, где бесчисленное количество соболей, россомах, куниц, лис. Страна Мраков. Меховая тьма. Возможно, что мягкая рухлядь сыплется там и прямо с неба.

Казачи охотно отправлялись туда, на полночь.

Возвращаясь в Тобольск с низовьев Оби, рассказывали люди немало любопытного и загадочного. Толковали о великом пушном богатстве далекой холодной окраины, о дивных идолах, медных гусях, деревянных старцах, золотых бабах. Вспоминали о причудливых по-

ярных сияньях, озаряющих черное небо зимней ночи. Но все-таки никто еще не увидел звериной тучи. Может быть та страна, где соболя сыплются прямо с неба, та страна, куда ходили с берегов Печоры мужи старии, лежит где-нибудь еще дальше? Все может быть! Новгородские летописи остались там, в Новгороде. И казаки сибирские, какие бы ни были среди них грамотеи, все же не могли похвастаться доскональным знанием того, что написано в старых книгах.

Но вот появились в 1600 году в Тобольске некие почтенные и достойные всяческого доверия люди. Это были иноки, звали их Логгин и Дионисий. Оба они были соловчанам и прибыли в Тобольск для построения здесь первого монастыря. Они поселились за Иртышом, на устьи Тобола, где и принялись за сооружение обители во имя Зосимы и Савватия — двух чудотворцев соловецких. В этом монастыре, по мысли его строителей, должны были найти приют и покой престарелые увечные воины, участники завоевания Сибири.

Но не только старики, а и молодые тоболяне сделались частыми гостями иноков Логгина и Дионисия. Каждому человеку было ясно: иноки соловецкие кое-что понимают в северных делах. И должны уж знать наверняка все то, что сказано в книгах старинных.

Монахам не стоило труда ответить на это. Вспомнили повесть о походе князя Улеба. «В лето 1032 князь Улеб изыде из Нова города на Железные врата и вспять мало кто возвратившись, но многие там погибоша». Хотел, мол, князь Улеб пройти сюда, в Сибирь, морем или сушей, да не дал бог удачи. Но позднее, через несколько столетий, храбрые новгородцы добрались-таки до рубежей сказочного Лукоморья. И об этом поведано в славном «Сказании о человецах незнаемых в восточной стране». Сказание сие добрые иноки помнили почти целиком наизусть. Кое-что они повторили тоболянам. На восточной, мол, стране, за Югорской землей, над морем, «живут люди самоедь, зовомы: монгозеи. Сии же люди не велики возрастом, плосковицы, носы малы, но резвы вельми и стрельцы скоры и горазды».

— Это — так! — подтверждали казаки, побывавшие в Березове и далее, на низовьях Оби. — Люди самоедь есть. И рассказано о них точно. А дальше что?

— А платие носят соболе и олень, а товар их соболи.

И это было верно. Именно этот зверек и вел по своему следу храбрых тоболян все дальше и дальше на север. Этот зверек рассказывал больше, чем все книги. А сказано ли было в старых книгах точно и ясно о времени и месте падения сего драгоценного зверька из туч? На этот вопрос, увы, не могли ответить и премудрые Логгин и Дионисий. Но зато они вспоминали о других чудесах, описанных в книгах. Чудны те самоеды монгозеи. «Ядь их мясо оленье да рыба, да меж собою друг друга ядят. И гость к ним откуда приидет, и они дети свои закаляют на гостей да и тем кормят, а который гость у них умрет и они того съедают». Видели вы это, ратные люди?

Нет! Этого ратные люди не видели. Не видели они среди самоеды и людей без голов, с глазами на животе, и людей, засыпающих на всю зиму, как медведи, и многих других лукоморских чудовищ, о которых упоминалось в сказаньях про страны полунощные. Да все ли там правда? Может быть новгородские мужи старинное-что и добавили для прикрасы? Следовало бы проверить все это, а прежде всего, — где и как падают соболя с неба.

Пора, пора итти в поход туда, в Мангазею, в Лукоморье, как бы ни называлась эта загадочная страна. Тем более, что тоболяне смутно знали: появляются в тех дальних краях какие-то таинственные русские люди с Печоры.

3

Борис Годунов был прекрасно осведомлен обо всех замыслах казаков тобольских. Но отпустить тоболян искать Мангазею Годунов не торопился. Он знал: стоит лишь показать дорогу в страну соболя, как устремятся по этой дороге те, кому не надлежит туда стремиться. В случае удачи мангазейского похода, ринулась бы на север без спроса и без удержа добрая половина населения острогов сибирских. И, пожалуй, обессилели бы эти остроги, стали бы неспособны для обороны при нападении южных соседей. Пугало еще и другое — крестьяне, холопы по эту сторону Урала. Если в 1590 году приходилось вербовать крестьян на переселение, обильно снабжать их скотом, деньгами, утварью, так в 1600 году тысячи мужиков самовольно уходили с

помещичьих и монастырских земель туда, за Камень. Это десятилетие — 1590 — 1600 гг. — не было счастливым для крестьян. Не нравились мужикам новые законы царя Бориса, удобные для дворян. Отданные в полную власть помещиков мужики сопротивлялись. Возникали волнения.росло количество беглых. И путь этих беглых был если не на юг, в вольные казацкие степи, так сюда, на восток. Словом, было бы весьма опасным открыть свободный доступ в такие края.

Однако, и держать долго на запоре эти ледяные ворота Лукоморья едва ли было бы возможно. Стремилась открыть их не только тоболяне. Еще более настойчиво, чем прежде, добивались возможности проникнуть в северную Сибирь иностранцы. Лег в могилу на открытом им острове Новая земля Виллем Баренц, пытавшийся найти северный путь морем из Европы в Китай. Иностранные шкипера то и дело тайно сговаривали архангельских поморов показать ход к устьям Оби и Енисея, к той самой сказочной Мангазее, о которой мечтают храбрые тоболяне. Царь Борис знал это. Известие про это он получил от тех самых поморов, которых сговаривали иноземцы. Поморы-промышленники, извещая, что не поддались на уговоры заморских гостей, просили царя разрешить им плавать в Сибирь самим.

Со всех сторон стремились люди к ледяным воротам Лукоморья. И царь Борис колебался — что делать? Несколько лет назад, еще при жизни царя Федора, послал Годунов в страну мангазеев разведчика, доверенного своего человека Федора Дьякова. «Отправляйся, мол, с Печоры через Камень и далее. Что там есть?» Федор Дьяков вернулся. Годунов немедленно призвал Дьякова к себе.

То, что сообщил Дьяков, удивило царя Бориса. «Там в неизвестных странах восточных на реке Таз и на реке Пур полным полно русских людей», — заявил Дьяков. «Каких?» «А всяких. И архангелогородцев, и устюжан, и пустозерцов, и вымичей... Они там давно: кто торгует, кто охотится, а кто дань с самояди берет в свою пользу, воровски, облыжно; а сказывают при этом, что собирают ясак на государя».

Что говорить! Ловкачи поморы. Туда просятся, а сами уж давно там. И воруют. Не мог не засмеяться царь Годунов. Однако, настала пора навести порядок в

странах полуночи. Ближе всего до Мангазеи, конечно, из Тобольска!

4

Юный князь Мирон Шаховской, брат князя Петра, воеводы пелымского, вырос и начал службу здесь, в Сибири, и вскоре достиг звания письменного головы при тобольских воеводах Сабурове и Третьякове. На князе Мироне и остановился выбор Годунова. Молод. Силен. Привычен к местным суровым условиям. Пусть и будет начальником похода в страну мангазеев.

Князю Мирону дали в помощники двух опытных людей — письменного голову Хрипунова и тобольского торгового человека целовальника Семена Новоселова. Новоселов бывал уж на севере у рубежей Лукоморья.

В охотниках пойти на север недостатка не было. Казаки добивались этой чести. Однако, воеводы тобольские Сабуров и Третьяков не разрешили князю Мирону, взять больше ста человек из тобольского гарнизона. Нужны, мол, люди и здесь, в Тобольске, где следует весь острог, чуть ли не заново перестраивать и много новых домов ставить. Недостающих людей пусть князь Мирон возьмет в Березове.

Березовцам приказали приготовить и корабли, годные для похода. Кое-как выстроили там четыре кочи и две баржи-коломенки.

Весной 1600 года тоболяне двинулись на север. Мудрые иноки Логгин и Дионисий, напутствуя казаков, повторили еще и еще раз все, что знали о странах полуночных. В Березове к тоболянам присоединилось еще тридцать казаков. Погрузились на корабли. Поплыли. Ледяное дыхание океана чувствовалось все резче и резче. Слева выглянули из тундры снежные вершины приполярного Урала. Обь то делилась на неисчислимое множество протоков, то вдруг раскрывалась во всю свою великую ширь. И вот, наконец, флотилия достигла моря. Высокие волны шли с северо-востока. Надлежало пересечь губу наискось. Там, за горизонтом, и находилась страна сказочных богатств полуночи, где белки, соболя и оленицы сыплются прямо из туч. Верили ли в эти сказки князь Мирон и целовальник Семен Новоселов? Кто знает! Впрочем, случай проверить волшебные свойства лукоморских туч представился очень скоро.

Огромные, серые, косматые, впрямь похожие на каких-то меховых чудовищ, поднялись эти тучи с полуночи. Море закипело. Кочи и баржи, сколоченные неумело и наспех неопытными березовскими кораблестроителями, закрипели и застонали, шлепая плоскими днищами о морскую волну.

Эта буря выбросила все корабли на берег и на прибрежные камни. Люди спаслись. Но сильно пострадал груз.

В это время прикочевали к берегу ненцы, та самая «самоядь», о которой столь много ходило чудесных известий. Целовальник Семен Новоселов имел уже опыт в общении с этими людьми. «Мирная обская самоядь», — определил Новоселов. Он живо устроил базар. Человек опытный в торговле, Новоселов сумел выгодно выменять у ненцев на подмоченный хлеб и толокно оленей и нарты.

Морское путешествие кончилось. Олени были готовы в путь. Князь Мирон не спрашивал людей, куда они хотят ехать. Нельзя было сомневаться в ответе. Вперед, в Лукоморье! Не удалось достигнуть сказочной страны морем, так они достигнут ее сухопутьем. На Пур и на Таз!

Проводниками согласились быть ненцы. Отряд, не мешкая, двинулся дальше, на северо-восток. А слухи о движении этого отряда неслись вперед еще быстрее. Вся тундра знала: князь Шаховской идет из Тобольска на Таз. Идет, рать ведет, везет товары. Хлеб! Продавать будут, когда острог на Тазе поставят. Хлеб вкусен, даже если он и подмочен. Готовьте меха!

Но одновременно с ненцами узнали о походе князя Мирона и другие люди, далеко не столь простодушные, как ненцы. Эти люди говорили ненцам, что радоваться нечего. Недобрые, мол, гости люди князя Шаховского — меха возьмут в ясак, а хлеб съедят сами.

Кто ж были эти люди, светловолосые, голубоглазые? Может быть жители приполярного Урала, зыряне, чьи женщины так красивы в своих меховых одеждах? Зыряне выгодно промышляли в тундре, издавна торговали с ненцами, выменивая у них пушнину и перепродавая ее за Камень. Зыряне сами ходили на Таз и не были заинтересованы в появлении там царских людей. Но может быть это были и не зыряне, а такие же русские, как и князь Шаховской и казаки? Может быть это

были переодетые на зырянский лад вымские и пусто-зерски авантюристы-промышленники, те самые, что объявляли себя посланцами из Москвы и собирали с ненцев дань в свою пользу, облыжно? Как бы то ни было, но однажды ненцы-проводники покинули лагерь Шаховского, не доведя русских до реки Пура. А на следующий день тоболяне оказались окружены скопищем ненцев. Это были не мирные обские ненцы, но воинственные енисейцы, бегающие на лыжах, подбитых большими шкурками. Копья и стрелы обрушились на тоболян. Ратные люди защищались упорно и храбро. Добрая половина казаков погибла в этом бою. Князь Мирон, раненый, «пал на оленей душой и телом».

5

В Москву из Тобольска пришли печальные вести. Отряд, посланный в страну мангазеев, разгромлен самоядью. Некоторые казаки вернулись в Тобольск через Березов, а где князь Мирон с остальными уцелевшими после боя, живы ли они — неизвестно.

Гнев обуял Годунова. Гнев не на молодого князя Мирона, но на тех старых неумных людей, воевод тобольских, которые так плохо подготовили поход. Допустили воеводы тобольские, что отправился отряд в море на плохих вертких кораблях. Людей дали мало, только сто тридцать человек. О чем думали воеводы тобольские! В то время, когда надо было ставить острог на Тазе, больше всего заботились о сооружении новых уютных хором в Тобольске! Царь Борис решил сменить этих воевод на людей более умных. Таких по Москве ходило немало, и некоторым из них давно пора было бы оставить Москву, ибо здесь и без них ума хватало.

К числу таких людей, по мнению Годунова, принадлежал и боярин Федор Иванович Шереметьев, потомок Камбиллы-Кобылы, выходца из балтийских стран. Навлек на себя Шереметьев немилость Годунова тем, что вмешался в дело государственное. Слишком уж близок был с врагами царя — боярами Романовыми. Против Шереметьева улик не нашлось, но послать Федора Ивановича служить на окраину можно было.

А товарищем боярину Федору назначил царь другого, не менее видного человека — Остафия Михайловича Пушкина. За последние двадцать лет проявил себя

Остафий Михайлович мудрым политиком, был послом в Польше, вел в Нарве переговоры со шведами, назначен был Годуновым затем в думные бояре. Но опять же оказался близок с врагами царя, с Романовыми.

Вот каких людей послал царь в Тобольск на смену бестолковым воеводам Сабурову и Третьякову. Но кого же послать в Мангазею, чтоб поставить острог на Тазе?

И тут царь Борис понял, что не обойтись без Рубца. Рубца не любили. Неприятные качества этого человека были известны всем в Москве. Князь Василий Михайлович Мосальский-Рубец был алчен, коварен и нагл. Но он был несомненно храбр и решителен. Он, как было известно всем, пошел бы на любой риск, если это сулило выгоду и славу. Его и решили послать в Мангазею, а для надзора за ним присоветовал Остафий Михайлович Пушкин дать ему, Рубцу, в товарищи своего родственника Пушкина Луку.

Вскоре вся новая сибирская администрация — Шереметьев, Пушкин и Рубец — отправилась в путь за Камень, Их поезд опережали гонцы в Ярославль, в Вологду, в Пермь, в Верхотурье. В Ярославле и Вологде закупали холсты для парусов, снасти, в Перми выбрали нужное количество морских якорей, в Верхотурьи дали приказ строить новые хорошие, отнюдь не верткие, кочи. Словом, снаряжая Рубца в новый поход на Мангазею, Москва позаботилась сама обо всем.

Весной 1601 года еще одна сотня казаков тобольских направилась в Мангазею. На этот раз флотилия состояла из одиннадцати кораблей. Скорострельные пушки новейшего фряжского образца стояли на палубах коч. Трюмы были набиты хлебом, порохом, свинцом. Пройдя в Березове еще сотню людей, Рубец вышел в море. На этот раз море ничего не могло поделать с кораблями. Верхотурские мастера построили их хорошо.

Идя вдоль восточного побережья Обской губы, отряд делал несколько остановок. Ненцы испуганно отпочковывали подальше от берега. Повидимому боялись расправы за нападение на Шаховского. Остатков его отряда не было и следа. Видно, пришла пора поминать князя Мирона за упокой. Рубец улыбался. Он, а не кто-нибудь победит мангазеев.

Но он побелел от досады, когда корабли, благополучно войдя в устье Таза, поднялись вверх по течению этой реки: над изумрудным ковром летней тундры вы-

сил ся свежесрубленный острог. Князь Мирон, окруженный веселыми казаками, вышел из ворот мангазейского острога приветствовать вновь прибывших.

Храбрые тоболяне, спутники князя Мирона, все-таки вышли на Таз и выполнили все то, что задумали. Честь постройки мангазейского острога ушла от Рубца.

Князь Мирон с радостью передал воеводство Рубцу и Пушкину. Князь Мирон знал — Годунов не забудет его усердия. Мирона ждала Москва.

6

Той же зимой 1601 года в Москве получили меха мангазейские. Замечательны были эти меха. Иноземные послы поздравляли царя Годунова с победой. Мангазея. Гиперборея эллинов! Это знали англичане и голландцы. А премудрые послы повелителя Персии великого шаха Абаса рассказывали, что еще шесть-семь столетий назад меха страны Мраков славились по всему Востоку. В Багдаде, в Магребе, в Египте, в дальней Кордове высоко ценился соболий мех из страны Мраков, что сзади страны руссов, за Камнем. Сама Зобейда, любимая супруга калифа Гарун-ар-Рашида, ввела когда-то обычай носить шубы, подбитые соболями из страны Мраков.

Страна Мраков! Гиперборея эллинов! Лукоморье древних новгородских сказаний! Ласково гладил Годунов мех мангазейского соболя. Самоядь подбивает им лыжи, не ведая, что сей соболь — желанный мех для царей и цариц и патриархов. Этих соболей повезут послы в дар владыкам Востока и Запада. Этот мех повезут в Исфагань, Стамбул, Венецию, Гамбург, Лондон. Любовался мангазейскими соболями Борис Годунов. А сын царя юный Федор нанес Мангазею на ту карту России, которую сам составлял.

В эти дни немало купцов отправилось из России туда, в новый острог мангазейский. Годунов позволил купцам торговать с самоедью мангазейской любыми товарами, кроме заповедных, то-есть оружия — огнестрельного и холодного. Вооружать самоедь запретил строго-на-строго. Мол, и в старых сказаньях поведено, что выбрались они из каменного плена, вооружившись железом! Мудры сказания древние.

С одним из купцов ярославских отправился в Мангазею приказчик, некий отрок по имени Василий.

7

А в Мангазее тем временем происходило вот что. Спровадив князя Мирона, новые воеводы почувствовали себя полновластными хозяевами страны. Удивительной была эта область! Соболя, правда, и здесь не валились с небес, но их можно было хватать прямо с земли. Зверьки забегали во двор острога. Казаки били их палками. Рубец и Пушкин сперва не поверили князю Миرونу, когда тот рассказал о том, что ненцы подбивают свои лыжи соболиными шкурками. Но вскоре оба воеводы убедились во всем этом сами.

Все рассказанное князем Мироном перед отъездом было правдой. «Мангазейцы — что голуби, — говорил Мирон на прощанье, — стоит только хлебные крошки на снег посыпать, сейчас со всей тундры слетятся».

Князь Мирон, чуть было не погибший от стрел и копий ненецких, впоследствии сдружился с этим народом. Рубец и Пушкин решили продолжать дружбу. И вскоре пригласили они в острог всю самоедскую знать. Кто-то не шел; тех пришлось привести даже насильно. Но их встретили хорошо, ласково. Усадили за стол, накормили, угостили вином. И затем Савлук Пушкин обратился к мангазейцам с жалованным словом от государя.

— Прежде сего, — объявил Пушкин, — приходили к нам в Мангазею и Енисею вымичи, пустозерцы и многих государевых городов торговые люди, дань с вас брали воровством на себя, а сказывали — на государя. Обиды, насильства и продажи от них были вам великие...

Ненцы согласно выслушали эту речь, переводимую толмачами.

— Теперь же государь и сын его царевич, — сказал далее Пушкин, — жалуя мангазейскую и енисейскую самоедь, велели в их земле поставить острог и от торговых людей их беречь! Чтоб жили в тишине и в покое. И ясак платили в государеву казну без ослушания. И быть вам под высокой государевой рукой неотступно!

Так сказал Пушкин, а Рубец добавил, что возьмут они, воеводы, для порядка в острог самоедских залож-

ников, или по другому сказать, — аманатов. И будут, мол, те заложники жить в покое и сыто, если ясак станет поступать исправно... А коли не так — пусть уж самоеды не взыщут — худо заложникам придется!

Заложников взяли тут же. Посадили в особую избу. И Рубец, смеясь, говорил казакам, что, де, когда-то Александр Македонский, великий царь, загнал по преданьям, сей народ самоедский в Лукоморье, в горы, в Камень, а теперь мы обойдемся деревянной избой. Зачем целый народ загонять в Камень? Взять заложников и посадить в острог, — и весь народ будет покорен. Будет работать, ясак тащить, дань.

Вскоре после этого началась перепись людей в тундре.

Казаки-грамотеи, которые когда-то читали старинные преданья о чудесной «стране восточной незнаемой», теперь заносили в книги имена жителей этой страны. Писали, где кто кочует, кто сколько ясаку платить должен.

Если ясак поступал неисправно, то заложников мучили. Дожидались сдатчиков ясака, вели их к избе аманатской и показывали, как плохо живется аманатам, как их наказывают за то, что ясак нехорош. Давали аманатам вместо хлеба и мяса вонючую юколу — собачий корм из перегнившей сушеной рыбы. И прссили заложники, чтобы несли ненцы побольше мехов умиловить князя Рубца.

Князь решил вернуться домой богатым, во всяком случае не беднее, чем те, которые прежде являлись сюда, чтобы брать ясак облыжно. Но делал Рубец свои дела осторожно. Озаботился, чтоб не было зависти у подчиненных. Смотрел сквозь пальцы на разные проделки казаков, когда они умыкали девок и женок из тундры и жили с ними, некрещеными язычницами, следил сам, чтоб в кабаке всегда было достаточно вина.

8

Вскоре появились в Мангазее гости из-за Урала — купцы московские, нижегородские, вологодские, ярославские. Они привезли много товаров и для казаков и для самоеды. Понастроили в Мангазее лавки. Ездили и за город. Выменивали у самоеды пушнину, а порою и кой-что еще. Ярославский купец, тот, с которым при-

ехал юный приказчик Василий, выехав однажды в тундру для меновой торговли с самоедью, привез красивую северную девку. «Я не хуже вас, казаки», — кричал он пьяный. И все в остроге приветствовали удаль ярославца.

Бревенчатый терем ярославца стоял неподалеку от аманатской избы. Приказчик Василий, в отсутствии хозяина, часто наблюдал, как стража кормит заложников. Юкола хранилась в ямах, в бураках, сделанных из древесной коры, перегнивала до того, что превращалась в вонючую мерзлую жидкость. Аманаты, закрыв глаза, принимались за такой проклятый обед. Плача и причитая, толпились родичи заложников у аманатской избы. Все это видел из окна лавки приказчик Василий.

Был он юноша добрый. И такого обращенья, хотя бы с язычниками, не одобрял. Когда же хозяин, вернувшись из тундры, пьяный ввел в дом некрещеную самоедскую девку и «преспал» с ней, скорбь обуяла Василия. Еще в большее смятение пришел Василий, когда купец выгнал назад в тундру обещенную самоедскую девку. Прельстился новой. Первая девка ушла в тундру, довольная подарками. Вторая девка не отделилась так легко, — когда она надоела ярославцу, тот уступил ее казакам. «Что хочу, то и делаю, — сказал хозяин в ответ на несмелый упрек Василия. — Я-то ее купил. Мне ее самоедский вождь продал. Значит, поступаю, как хочу. Грех? Ну, что с моей душой будет, это не твое, Василий, дело. Тут, в Мангазее, свои порядки».

И в споре с хозяином сорвалась с языка приказчика угроза: вот, мол, вернемся в Россию, так спрошу у людей знающих, божеские ли порядки здесь, в Мангазее, и по божеским ли законам жил здесь ты, хозяин.

Хозяину меньше всего хотелось, чтоб о веселой жизни его узнала купчиха, жена, оставшаяся там, в Ярославле. Что же до мангазейских порядков, так это касалось воевод. На всякий случай ярославец обмолвился раз в беседе с князем Рубцом, что, мол, приказчик Василий порядки мангазейские порицает — не нравятся веселая жизнь, не нравится, как аманатов содержат, чем кормят. Грозится, вернувшись в Россию, обличить.

Рубец кивнул головой. Он взял эти слова ярославца на заметку. Стал присматриваться к Василию. Заметил, что тот много разговаривает с казаками, со старыми казаками, которые поскромнее да побогомольнее. О чем

беседы? Спросил казаков. Ответили, что о книжной премудрости, — отрок — грамотей, любитель читать книги. Вот и беседуют о старых сказаньях про Лукоморье, о божественном. Рубец посмеялся над казаками — нашли собеседника, мальчишку. А ярославцу князь сказал: если, мол, затеет Василий чего-нибудь снова, начнет произносить какие поносные речи, тащить его в съезжую избу прямо за шиворот. А там видно будет. Но хозяин и сам был неглуп.

Однажды купец выскочил из дома, крича, что ограблен. Ярославец заявил, что оставил дома приказчика Василия, а теперь нет ни денег, ни товаров. И вскоре мангазейцы увидели, как ближние люди воеводские волокут Василия в съезжую избу. Никто не знал толком, как это все случилось. Куда девал товары Василий, если он их украл? Говорили, что хотел Василий бежать на собаках к Камню и оттуда на Печору.

Началось дознание. И затем из съезжей избы вынесли мертвое тело приказчика.

Князь Рубец говорил, что упорный приказчик хотя ни в чем не сознался, но явно виновен. Савлук Пушкин ходил понурый, стараясь не смотреть на Рубца.

Купец-ярославец уехал во-свояси. А вскоре отбыл из Мангазеи и князь Рубец-Мосальский. Отпросился в Москву. Нечего больше было ему делать там, в Лукоморьи. Что надо было там приобрести, он приобрел. Да и слухи стали ходить нехорошие. Жаловались самоеды: «Грабит!» Стали мстить. А кому? В первую голову казакам. Роптали и казаки. Зарвались, де, воеводы, хватают через край. Самоядь не щадят, против казаков самоедь озлобляют, да и своих до смерти замучивают. Ведь ничего не доказали на приказчика отрока Василия, а, однако, убили. Князь Рубец точно учел все эти толки. И, проезжая через Тобольск, сумел рассеять сомнения, а попутно и отплатить воеводе тобольскому Остафию Пушкину за то, что сей боярин навязал ему, князю Рубцу, в спутники своего родственника Савлука. Рубец горько пожаловался воеводе Шереметьеву на Пушкина. Вот, де, Савлук, глаз ваш зоркий, наделал мне в Мангазее хлопот. Запытал до смерти он человека... И тяжело было слышать старому боярину Остафию Пушкину о таком злодействе, сотворенном родственником его Лукой. Оправдывался Савлук, говорил, что несколько не виноват в таком черном деле. Рубец, мол, разрешил

ярославцу пытатъ приказчика. Он же, Савлук, хотел приостановить пытку, но тогда ярославец подбежал и ударил Василия ключами в висок. Ударил с разрешения Рубца. Убил. Так оправдывался Савлук. Рубец говорил иное, поносил Савлука и всех Пушкиных. И занемог после этого старый боярин Остафий Пушкин и скончался от сердечного припадка.

А князь Рубец ушел на Русь, заметя все следы.

9

Воевода тобольский, Федор Иванович Шереметьев, похоронив своего товарища боярина Остафия, не стал возвращаться к неприятному делу с Василием. Забот было и без того немало. Из Мангазеи, от посланного туда нового воеводы Булгакова, поступили весьма любопытные новости. Город, де, растет не по дням, а по часам. Откуда только люди берутся! Едут и через Березов и из-за Камня — знай принимай. И пробились морем, с Архангельска. Да не только свои русские, но и иноземцы. Пришли голландцы на огромных судах. Шереметьев отписал об этом в Москву. Гости пришли. Что делать? Как принимать? Из Москвы не спешили с ответом. Шереметьев догадался — Москве сейчас не до Мангазеи. Разразился зимой на Руси голод. Начались болезни и смуты. Некогда стало правительству заниматься Сибирью. И отписал Шереметьев мангазейцам — управляйтесь, как знаете, только собирайте ясак исправно. А в том, что превращается Мангазея в какой-то новый порт, в этом Шереметьев сам беды не видел.

Вскоре Шереметьев покинул Тобольск. Новый воевода Голицын, не успев еще разобраться в делах лукоморских, был отвлечен делами более важными. В России разразились большие события. Двинулся с западных рубежей самозванец, помер царь Борис, шла война.

Вести об этих событиях быстро дошли и до Мангазеи. Но здесь все это не воспринималось так остро. Война? Здесь своя война, вечная война с непокорными племенами. А уж ляхи-то не дойдут сюда, конечно. Были даже и свои выгоды от всего этого великого замешательства, — не приходилось теперь бояться, что приедут из Москвы сыщики для надзора. Торгуй, живи как хочешь, — сама себе Мангазея хозяйка!

Весело жилось в Мангазее. Росла Мангазея. И лет

через десять после основания стала большим хорошо укрепленным городом. За трехсаженными стенами острога стояли две церкви, всякие административные здания — съезжая изба, воеводский двор, склады, тюрьма, таможня да два кабака да торговые бани. Множество лавок имела Мангазея. Четыре больших улицы города были тесно застроены домами да еще многочисленные избы лепились у стен острога, под прикрытием высоких башен. Домов насчитывалось больше двухсот. В речном порту появились десятки судов.

Такой стала Мангазея в годы крестьянской войны, когда Москва переживала великие беды. Умер царь Борис — славный зачинатель мангазейских походов, погиб царевич Федор, начертавший на своей карте России новую северную провинцию. Царевича убила та же рука, которая убила и мангазейского приказчика Василия — «окаянный князь» Рубец-Мосальский, перейдя на сторону самозванца, порешил в Москве семью Годуновых. Об этом поведали мангазейцам купцы и промышленники, приехавшие из-за Камня. Много их появилось здесь в это время. Из Москвы, из Поморья, с Печоры, с Перми, уходя от превратностей смуты, шли сюда, в волшебные и дикие края полунощи. Купцы иноземные, пользуясь отсутствием бдительных порубежников, вели свои корабли в гиперборейскую гавань. Всех гостеприимно встречала страна Мраков. До тысячи гостей принимала в иные годы Мангазея. И до ста тысяч собольих шкурок проходило за год через этот город. Шумными были ярмарки зимой.

10

Но почему ныне только историки вспоминают о славном городе этом? Куда девалась Мангазея, столица северного Лукоморья?

Упадок Мангазеи совершился в годы царствования Михаила Романова. Прибывший в 1616 году в Тобольск новый воевода князь Иван Куракин* обратил особое и отнюдь не благосклонное внимание на этот вольный город, построенный тобольскими казаками. Князь Куракин установил с очевидностью, что множество мягкой рухляди, драгоценной пушнины, се-

* См. о нем подробно в следующей главе.

более, при существующих в Мангазее порядках, уходит в руки частных лиц, не поступая в казну государства. Сделать Мангазею златокипящей вотчиной государевой — вот что поставил себе в задачу усердный князь Иван Куракин.

Высокая пошлина, ограничение вывоза и закрытие вольного морского пути из Европы к берегам Таза — такие мероприятия решил осуществить Куракин. Он писал, что надо запретить морской путь в Мангазею. Сначала это не удалось — промышленники протестовали, и царь Михаил не решился идти против. Но Куракин убедил правительство все же закрыть морской путь — по нему, де, ходят в Мангазею иноземцы и, черовен час, отторгнут златокипящую вотчину государеву от России. Из Тобольска же против них войска не пошлешь — далеко. Случаи грабежа иностранными пиратами северного побережья России действительно были. Особенно обнаглели авантюристы за годы крестьянской войны. И в конце концов правительство склонилось на доводы князя Куракина. Морской путь был закрыт.

И в самой Мангазее князь Куракин установил свои порядки. Он ограничил частную инициативу в торговле, например, отобрал в казну торговлю вином. Громадные прибыли перешли от предпринимателей в руки государства.

Все эти ограничения и строгости не понравились северным горожанам, людям, привыкшим к вольной жизни и свободной наживе. Мангазея дустела. Корабли уже не поднимались, как прежде, вверх по Тазу. Ватаги промышленников далеко обходили город, не желая попасть на глаза таможенникам. Так же поступали и купцы. Те и другие стремились в обход Мангазеи дальше, в «уезд», благо, что тот уезд простирался на тысячи квадратных километров к востоку, северо-востоку и юго-востоку. И горько прозвучали слова некоей челобитной, направленной царю Михаилу в 1623 году мангазейцем Мартыном Бехтеяровым:

«Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси холоп твой Мартынка Бехтеяров челом бьет. В нынешнем году, государь, в 131-ом, мая в 17 день волею божьей половина города выгорела до тла, а из остальной половины ползут тарзканы в поле. И видно быть и на той половине гневу

божьему и долго ли коротко ли и той половине горети, что и от старых людей примечено. А того для не велено ли будет и остальную половину зажечь, выбрав пожитки, дабы не загорелся град не вовремя и не погорела бы у людишек худобишка да и твоей, пресветлейшего государя, казне не было бы убытка».

Разрешения зажечь остальную половину не последовало. И еще в течение целого ряда десятилетий при новых воеводах тобольских, сменивших князя Куракина, существовал острог мангазейский и поступали через Мангазею в казну государеву сотни тысяч драгоценных шкурок. Сокровища златокипящей вотчины государевой шли в Москву, а оттуда и на заграничные рынки и в подарки иноземным владыкам, восточным митрополитам и патриархам. Острог мангазейский существовал до 1676 года, пока, наконец, не был перенесен на триста километров восточнее, дальше, на Турухан. Но город, такой город, каким была Мангазея в начале века, — не возродился.

Прошло его время. Те, кем была славна молодая Мангазея, — казаки и промышленники, — ушли отсюда, чтоб не вернуться. Давно уже были забыты суровые куракинские порядки, но какие ни получила бы Мангазея свободы и льготы, она не воскресла б. Не было в том нужды. Люди ушли вперед. Куда? Дальше, на восток. В поисках новых мест, нового Лукоморья. Князь Иван Куракин закрыл ход Северным морем из Архангельска в Мангазею, но это было, по существу, тем же самым, как если бы захлопнули дверь за спиной уже прошедшего через нее человека. Казаки и промышленники шли вперед, не оглядываясь на Архангельск, равно как на Тобольск и Березов. Покинув Мангазею, вышли казаки и промышленники с Таза на Енисей, с Енисея на Лену, а вскоре и на великий Амур. И открыли они новые сказочные Лукоморья. Соболя и там не падали прямо с неба. Но были присоединены к державе российской огромнейшие земли, богатейшие территории северной Азии, вплоть до самого Великого океана.

Путь к ним лежал через Мангазею. Именно в этом ее великое историческое значение. «От города Мангазеи остались одни лишь развалины, — записал в свой дневник один ученый путешественник профессор Шу-

хов, посетивший реку Таз в 1914 году, то-есть через триста лет после расцвета Мангазеи. — По берегу торчат бревна построек, нижние склады зданий... Сохранилось едва только одно строение, судя по архитектуре, башня. Сохранились три стены, в одной есть бойницы, архитектура аналогичная с башнями в Юильском городке на р. Казиме. Место, где была Мангазея, кочковатое, поросшее сорной травой и кустарником (березняк и ольховник)». В отвалах берега нашел путешественник много любопытных предметов — наконечники стрел, деревянный крестик древне-русского стиля.

Деревянный крестик, наконечник стрелы, развалины башни — вехи на великой дороге русского народа к востоку.

IV. ДУКС ИВАН НЕПОТРЕБНЫЙ И МНОГОГРЕШНЫЙ

1

олодой князь Иван вовсе не хотел по-
пасть на сибирскую службу. Он, по
происхождению своему и по связям,
принадлежал именно к той породе лю-
дей, что чаще всего отсылались из Мо-
сквы на какую-нибудь дальнюю окраи-
ну. Знатность, родовитость оборачива-
лись другой стороной. Старый опричник

Годунов и при царе Федоре продолжал без церемонии
расправляться с родовитою титулованной знатью.
Правда, отец князя Ивана, князь Михаил Петрович Ка-
тырев-Ростовский, крепко держался воеводою в Новго-
роде, но человек пять их родни уже попали в Сибирь.
И неприветливо встречала бояр Сибирь, страна, покорив-
шаяся безродному казаку Ермаку Тимофеевичу. Тя-
желая служба грозила новыми бедами. Разве не ярким
тому примером была судьба близкого родственника
князя Ивана — князя Семена Михайловича Лобанова-
Ростовского? Этот храбрый полковой воевода, участник
ливонской войны, князь Семен, будучи послан в Си-
бирь, четыре года сражался на берегах Оби с неуто-
мимым князьком Воней, предводителем Пегой Орды, по-
бедил, наконец, Воню, покорил орду и что же? Вместо
милости навлек на себя новый гнев Бориса Годунова.
А чем? Заступничеством за своих же подчиненных, за
православных христиан, за казаков и промышленников

сибирских. Принял князь Семен от них челобитную, чтоб освободили их от пошлин. Так что случилось! Сошли Семена в Москве чуть ли не бунтовщиком, потворщиком воровства, смуты. «Зачем челобитную принял? То ты сделал не гораздо! Казне много надо денег. Мы море Варяжское России возвращаем, шведами отобранное», — так упрекал князя Семена всесильный боярин Годунов; суровый дал выговор. Вся родня и знакомые князя Ивана жалели князя Семена: «Годунову не угодишь!» Молодой князь Иван держался в стороне от этих пересудов, он думал, что это верно, конечно, — из войны со шведами денег надо много, для того и берутся всякие подати, пошлины. Понимал князь Иван, сколь гонко Годунов разумеет в делах, сколь он мудр и решителен. Страна, управляемая Борисом, начинала вновь богатеть, оправляться. За сие не мог князь Иван Годунова хаять. Не мог! Но лют сей зять Малюты, опальчив и мнителен, хотя и сладкоречив. Разве князь Семен принял ту сибирскую челобитную со зла? Просто за добрых людей заступился. Как никак, а князю Семену не поздоровилось. Не лучше было и со многими другими. Вернувшегося с тюменского воеводства князя Владимира Бахтеярова-Ростовского сей же час погнал Годунов в новую, кавказскую ссылку. А на смену Бахтеярову послал в Тюмень другого князя ростовского дома Александра Приемкова-Ростовского, который обижен был этим горько. Да он ли один плакал! Роптала вся знать на «татарина». Поэтому и юный князь Иван старался не попасть на глаза Годунову.

И хоронился князь в стороне. Отсидивался в тиши древних книгохранилищ. К учености имел он пристрастие еще с детства. Там, в Новгороде, ему, воеводскому сыну, был открыт доступ ко всем сокровищам письменности, к старинным рукописям, украшенным тончайшими рисунками живописцев, к летописям, к священным книгам. Немало часов провел юный князь Иван за чтением. И, читая, приобрел он и сам страсть к сочинительству. Но вскоре пришло время оставить невинные сии забавы. Отец приказал князю Ивану собираться в Москву. В крещение, мол, вечером скончался царь Федор. Быть надобно в Москве к февралю. Земский собор собирают. В чьих руках очутится власть? Княжата? Бояре? Дворяне?

И вышло так, что князя Катыревы-Ростовские, и

отец и сын, поставили свои имена под избирательной грамотой Годунова. И боялся и уважал князь Иван этого человека.

А новый царь не оставил теперь без внимания юного книжника. Даже женитьба на Татьяне Романовой, девушке из семейства, враждебного Годунову, не мешала карьере князя Ивана. Царь Борис назначил Ивана Катырева при дворе своим стольником. Скромный любитель словесности стал царедворцем.

Князь Иван участвовал во многих торжественных церемониях при дворе. Принял он участие и во встрече пленной семьи Кучума — всех этих цариц, царевичей и царевен, которых приказал царь Борис с почетом доставить в Москву.

Слава святому духу,

Что повелел господь рассеять бусурман по
московскому царству, как муху!

Аминь Всесотворителю богу,

Что подал земному царю на бусурман подмогу!

Это относилось к Ивану IV и взятию Казани, но, напоминая эти строки царю Борису, князь Иван знал, что Борису это будет приятно, ибо кто как не Борис Годунов был выучеником и законным наследником Грозного! И царь Борис выслушав стишок, благосклонно улыбнулся юному стольнику, этому доброму книжнику, умеющему кстати припомнить хороший стишок. Улыбался царь Борис, улыбался и князь Иван. Опала, ссылка в Сибирь не грозила князю. «Да будет так! Аминь. Да будет так! Аминь!»—повторял он по-русски и по-латински.

2

Однако, были на Руси в это время и такие люди, что только и мечтали, как бы попасть в Сибирь, за Камень. Объявиться там не воеводами, а просто так, хотя бы без всякой должности. И таких людей становилось все больше и больше. Это были простые люди, главным образом, мужики да холопы, недовольные жизнью в родных краях, недовольные новыми порядками, введенными царем Борисом. Угождая дворянам, помещикам, уничтожал Борис остатки крестьянской вольности. Помещики охотились за мужиками, за каба-

ляли их всякими правдами и неправдами. Мужики бунтовали. А через три года после вступления Бориса на царство случился еще великий неурожай, и мор пошел по Руси вслед за голодом. Вот почему тысячи людей, покидая родные края, шли кто куда, а в том числе и в Сибирь, за Камень. Через леса Поволжья, через горные щели проникали беглецы в Тюмень, в Туринск... Вскоре увидел этих гостей в избытке и Тобольск, стольный город сибирский.

Сперва беглецы, голодные и оборванные, старались втереться в Сибирь воровски, молча. «Не гоните, мол, нас христа ради, а дайте нам жить тихо и смирно; охотничать будем, пахать будем». Но что ни день, то злее и злее становились пришельцы. Выбегали за Камень с криком. Кричали, что люди на Руси едят траву, мертвечину, псину и кошек и кору древесную. И в Москве даже началась голодовка. Кричали о том, что вдобавок к голоду большие несправедливости творятся. Помещики выгоняют холопов со двора, чтоб не кормить, но отпускных не дают. Как же быть? Кричали о том, что народ мрет с голоду, а богачи наживаются, нарочно придерживая хлеб, чтоб продать затем подороже. Этим, мол, заняты нынче и купцы, и бояре, и отцы духовные. Архимандриты, игумены монастырей, управители монастырских вотчин — все они, не иначе, как по наущению самого дьявола, занялись перепродажей хлеба.

Такие речи все чаще и чаще раздавались на тобольском базаре близ церкви Спаса, над которой глухо гудел угличский ссыльный колокол. И, слушая речи пришельцев, тоболяне понимали, что в них много правды. Видели сами: почти прекратилась доставка хлеба и других продуктов из-за Камня. Раньше было не так: обоз за обозом. Годунов заботился. А теперь, видно, не до этого. «Изворачивайтесь сами!» И начальство тобольское охотно принимало беглых мужиков из-за Камня. Садили беглецов на землю. И в годы великого голода в России, здесь, в Сибири, мощно стали шириться пашни. Глядя на русских земледельцев, брались все прилежнее за соху и коренные азиатцы. Именно в те годы татары и остяки стали пахать близ Туринска, а вогулы — на реке Нице. А из-за Урала шли все новые и новые странники и несли они весть о том, что голод становится все лютее, — «люди уже ядоша друг друга», — а бояре, купцы да попы все бесстыдней торгуют

горем народным. Царь? Что царь! Царь Борис, конечно, народу помочь весьма хочет. «Последней, — говорит, — рубашкой готов поделиться с теми, кто в беде и горе». Милостив. Да вот беда: те, кто заведует раздачей царской милости и хлеб продает из царских житниц, — эти люди и деньги крадут и муку! И покуда царь за жемчужный ворот своей рубашки хватается, рубашкою этой с народом делиться намереваясь, — народ с голоду дохнет. Вот что творится!

За такие дерзкие речи «болтунов», конечно, не миловали. Хватали. Сажали в тюрьму. Однако, слушая донесения о воровских поносных речах про царя Бориса, улыбался чему-то тобольский воевода князь Федор Иванович Шереметьев. «Так-то, мол, боярин Годунов!» И смотрел Шереметьев все чаще и чаще на ссыльный угличский колокол. «Висишь? Как бы не отлились кому следует кровавые слезы царевича Дмитрия!» И все смелей засылал Шереметьев гонцов из Тобольска в Москву к друзьям-боярам, чтоб узнать поподробнее, что там—в Москве—творится. И добивался Шереметьев все упорней и упорней возвращения в столицу. Трудно было сделать это—ведь попал боярин Федор на сибирскую службу за близость с врагами царя—боярами Романовыми. Но добился-таки своего. Объявил, что явился ему сам Николай-чудотворец, велел построить церковь и поведал кое-какие тайны насчет будущего. Подались на это в Москве. Разрешили Шереметьеву выехать. И в 1602 году покинул он Тобольск, передав воеводство князю Андрею Васильевичу Голицыну, тоже приехавшему сюда как бы в почетную ссылку.

Новый воевода держал себя скромно, озирался опасно и о делах столичных с тоболянами много не толковал. Да впрочем и без речей воеводских стало ясно, что наступают «последние времена». Все складывалось не в пользу царя Бориса. Восставали мужики, а затем, когда сделал царь кой-какие послабления мужикам, разгневались на Бориса и помещики. Так и не угодил ни тем, ни другим. В 1603 году крестьяне и казаки, объединившись под руководством атамана Хлопка, пошли прямо на Москву. И рассеять это мятежное войско народное удалось Борису лишь с большим трудом и потерями. В Москве затевали заговоры бояре. На западных рубежах не дремали поляки и шведы.

И вот, наконец, долетела до Тобольска весть: из Польши на Русь идет царевич Димитрий. Димитрий, сын Иоана IV от седьмой жены его Марии Нагой!

Но разве царевич не скончался там, в Угличе? Ничего не мог ответить на это тоболянам ссыльный угличский колокол...

Прискакали гонцы из Москвы. Царь, мол, Борис, здоров и двинул войска на противника. Боярин Шуйский присягнул, что царевич Димитрий помер там, в Угличе. Идет с польского рубежа самозванец.

Вор, в сопровождении польской и литовской шляхты, приближался к Москве. Войско самозванца обростало казаками с Украины и Дона. Непокойно вдруг стало и в Сибири. Дух смуты проник сюда через горные щели. Народ приходил в движенье. То здесь, то там поднимались с мест, уходили куда-то люди. Куда? На Запад, обратно за Камень. Одни—к Димитрию, другие—к Борису. Но последние не достигли цели. Весной 1605 года царь Борис умер. Воеводы открыли полякам и Лжедимитрию дорогу в Москву.

3

Москва наполнилась ляхами. И в эти дни в Тобольске воевода князь Голицын заботливо осматривал ссыльный угличский колокол, висящий в церкви Спаса, что на торгу. Вдруг Димитрий затребует колокол набатный! Кто повезет в Москву? И помыслами своими был воевода уже там, в столице. Так и вышло... Лжедимитрий затребовал в Москву тобольского воеводу. Как видно, заинтересовали самозванца дела сибирские.

А в Сибири творилось уже неладное. Твердые порядки были нарушены. Дух смуты, идущий с запада, все глубже и глубже внедрялся в сибирские, рубленные из свежего леса хоромы. Этим духом были наполнены съезжие избы, пустые от казны денежные ящики, амбары и склады, в которых не осталось провианту. Люди добывали себе на жизнь кто как умел. Бросали службу. Шли куда хочется. Кто за Урал, кто, наоборот, подальше от греха— в окраинные остроги, в тайгу, в тундру, в Мангазею. Участились недоразумения с туземцами,—споры за уголья, за промыслы. Участились грабежи и разбои. Умыкали туземных женщин и вступали в открытую связь с язычницами. Напрасно обли-

чали за это попы. Их никто не слушал. Кому теперь было до этого дело? Царь, мол, Димитрий простит. Еще неизвестно, какой веры и сам-то он. Всяко об этом говорили люди, возвращающиеся из Москвы.

И привезли оттуда люди вскоре такую новость: царь Димитрий обещает ляхам уступить права на Сибирь. Недаром, мол, срочно вызвал Голицына. Пытал, что и как. Отдает Сибирь ляхам.

Кто принял это известие за правду, кто за ложь, но никто не остался к нему равнодушен. Попасть под ляхскую власть не хотелось ни одному сибиряку. Не затем проливали кровь, воюя Сибирь, не затем ставили города и остроги, чтоб уступить свои права и привилегии ляхам. Как-то еще удастся Димитрию нарядить польских панночек в мангазейские собольи меха?!

Но вести летели, обгоняя одна другую. И не успели тоболяне решить, как они будут бороться с ляхами, пришло известие об убийстве самозванца. Убит подлый вор, разгромлены честными москвичами шляхтичи—друзья вора. Царь ныне—Василий Шуйский, и не придут поляки владычить над Сибирью. Опасность миновала!

Однако, рано обрадовались. Опасность надвинулась, да еще и какая! Но встала не оттуда, откуда ждали. Не с запада, а с севера и востока и юга. Смута, одевшись в малицы, парки, татарские рысьи шапки, проникла в юрты, в чумы, в земляные крепостцы туземных владык.

И началось с малого. Казалось бы, недоразумения можно легко уладить. Князец обских остяков Онжа Алачев потребовал вдруг обратно идола Палтыша, которым, де, брат его, Онжа Ичигей «княжил и остяками владел». По указу царя Василия идол был незамедлительно возвращен Алачеву. Но мир не воцарился. Дело, как видно, было не только в идоле Палтыше и не только в Онже Алачеве. Слухи о великих потрясениях за Камнем доходили не только до князей, но и до самого последнего рыбака, охотника. А тут как раз пришли вести про некоего холопа, который повел русскую бедноту на царя Шуйского, на бояр, на торговых людей,—слухи про Ивана Болотникова.

Сибирские князьки, султаны и мурзы неплохо учитывали положение дел в России и сумели направить движенье народное в ту сторону, куда знати хотелось.

И в начале 1607 года оказался русский острог Березов в осаде остяцкой. Осада эта длилась шестьдесят дней. Воевода березовский князь Петр Ахамашукович Черкасский отсиделся, разгромил в конце концов осаждающих. Но волнения не утихали, ибо то, что творилось по соседству, за Камнем, весьма обнадеживало всех поднимающих меч здесь, в Сибири. Там, за Камнем, на Суре, на Вятке, на Волге длились восстания против Шуйского. И боролись там разные люди, кто за что. Если недавно, в 1606 году, мордва, бортники, боярские люди и крестьяне вместе шли на Нижний Новгород, воодушевляемые примером Болотникова, то в 1608 году, после разгрома Болотникова, вождями восставшей мордвы и марийцев пытались стать феодалы-мурзы, которые призывали народ признать второго самозванца — Тушинского Вора. Но как бы то ни было, а там, за Камнем, шли мятежи и распространялись они вплоть до Хлынова (Вятки). И народы Сибири не были безразличны к тому, что происходит поблизости, за горным хребтом.

Сибирь волновалась. И надо сказать, много способствовали этому волнению некоторые русские довольно высокие начальники, неумные и алчные, решившие половить рыбку в мутной воде. Воспользовавшись всеобщим замешательством, эти люди занялись личным обогащением — под видом похода на бунтовщиков шли попросту грабить. Томские воеводы насильями вызывали восстание обских остяков, надолго поссорили русских с киргизами, позарившись на дорогую соболью шубу жены киргизского князя Немчи. Немча, желая добровольно поддаться России, отправил свою супругу в Томск послом, а воеводы взяли ее и ограбили. И пожег Немча в отмщение все русские села по Чулыму... Так грабители-воеводы сами вызывали восстанья. И смыкался круг восстаний все тесней и тесней. На востоке волновались киргизы, на севере — остяки, вогулы, самоедь. В лесах Прииртышья согласно зашевелились татары. Сыновья и внуки Кучума подавали им голос из-за Оми, из-за калмыцкого рубежа. И храбрые казаки едва удерживали восстания, всеми силами старались оборонить Сибирь от беды. Смирjali азиатцев, пресекая в то же время вредительские действия грабителей-воевод. Воюя с одними непокорными народами, сибирские казаки делали попытки войти в соглашение

с другими. И многие из этих попыток удавались блестяще. Так, сибирская администрация завела в эти 1606—1609 годы твердые дипломатические сношения с теленгутами, калмыками, монголами, модорами, тубинцами, джесарами. И главными зачинателями этой новой дружбы были чаще всего простые казаки, промышленники, люди низшего служилого сословья, — доморощенные, но ловкие дипломаты. Они боролись за Сибирь и оружием и словом. Русские люди дорожили Сибирью. Дорожили ею казаки, участники ермаковского похода, ибо они завоевали у Кучума эту прекрасную землю; дорожили ею пахари, выбежавшие сюда из-за Камня, ибо эта земля спасла их от голодной смерти, дорожили охотники и промышленники, утвердившие на краю этой земли Мангазею — город соболя, тесовые русские ворота в златокипящее Лукоморье.

Кто из них хотел бы, чтоб Сибирь стала снова царством, как при Кучуме-царе? Никто!

4

Князь Иван Михайлович Катыврев-Ростовский в эти годы меньше всего был занят делами сибирскими. Разве что слушал время от времени рассказы возвращающихся из сибирской опалы, — сиречь с сибирской службы, — воевод: Шереметьева, Голицына и других. Эти люди появились в Москве радостные, счастливые: унес мол, господь из-за Камня! Князь Иван снисходительно смеялся: «Смотрите, не попадите опять в немилость, держитесь Москвы». Сам он держался ее крепко, показывал пример всем. Он, скромный книжник, давно уж превратился в ловкого расчетливого царедворца. Три царя потеряли уже троны — Годунов, его сын Федор, затем Лжедмитрий. — сотни людей были казнены и сосланы, а князь Иван как был, так и остался при дворе, у власти, в Москве. И казалось, что его положение укрепляется все прочнее и прочнее.

Бывший стольник царя Бориса, князь Иван сумел войти в доверие и к Лжедмитрию. Князь Иван даже был приглашен на свадьбу самозванца. Конечно, Иван Михайлович не стал так близок к особе Вора, как стали к ней близки окаянный мангазеец Рубец или князь Иван Хворостинин. Хворостинин, надменный мальчишка, брал не только своей женственной красотой. Он при-

влек самозванца и ляхов преклонением перед всем иноземным, нарядился в гусарское платье, и, презирая «московское плюгавство», стал изъясняться не иначе как по-латыни да строчить польские вирши. Катырев знал, что такая глупость рано или поздно отольется Хворостинину горькими слезами. Во всяком случае, уживаясь с иезуитами, князь Иван поддерживал добрые отношения с русским духовенством, служа самозванцу—не забывал держать связь и с боярином Василием Шуйским. Князь Иван вел большую игру. И когда москвичи ворвались в Кремль, чтоб убить самозванца, князь Иван остался цел и невредим. Он не попал в ссылку подобно глупому мальчишке Хворостинину. Наоборот, оказался в числе самых близких придворных нового царя. И вскоре сделался его родственником, ибо царь Василий взял себе в жены одну из княжен ростовского дома.

Однако, князь Иван оценил это родство с царем все же меньше, чем родство с боярами Романовыми—родственниками жены. А вышло так, что когда второй самозванец, Тушинский Вор, идя на Шуйского, подступил к Москве, то многие представители известных московских фамилий оказались в Тушино—в лагере Вора. Здесь «образовался свой двор, своя боярская дума, в составе которой находились верхи служилого класса, выдвинувшиеся при Грозном и Годунове», здесь оказались князья Трубецкие, Черкасские, то-есть, вся романовская родня, да и сами бояре Романовы. Разных людей объединила ненависть к Шуйскому. Съехавшись сюда, стремились как можно больше повредить Василию, а затем... при удобном случае расправиться и с Вором. Упускали из виду лишь одно, что тушинцы тем временем грабят народ русский. Это не казалось важным. Как бы то ни было, многие оказались здесь, а в том числе попал сюда и отец княгини Татьяны Катыревой—митрополит Филарет. Он был захвачен в Ростове, с почетом привезен в Тушино, и Вор, дорожа столь важным пленником, провозгласил Филарета патриархом.

И неизвестно, что именно говорила княгиня Татьяна своему мужу, когда Шуйский направил князя Ивана в поход на Тушинского Вора. Но известно другое: в этом войске произошла шатость. Очутившись на линии фронта у речки Незнань, между Подольском и Звенигородом, Троекуров и князь Иван Катырев не торопились войти в соприкосновение с противником.

О чем именно думал Катырев? Про жену или ее отца Федора Никитича Романова, который сделался тушинским патриархом? Или он считал, что Шуйский сгодит Вора—один предает Россию полякам, другой—шведам. Во всяком случае размышления на речке Незнашь окончились для князя Ивана печально. Шуйский, во-время оповещенный о положении дел, велел схватить ряд военачальников и в том числе князя Ивана.

Тюрьма. Дознание. Пытка. И то, чего он всегда опасался с молодости,—сибирская ссылка.

Страшная северная страна, страна, окруженная разноплеменными врагами, — Сибирь ждала Ивана Катырева. Ждала не как начальника, не как воеводу, но как последнего пытанного и обесславленного вора.

5

Тоболяне ожидали в 1609 году прибытия из Москвы нового воеводы окольного Михайлы Салтыкова, которого послал царь Василий на смену неспособному князю Юрию Троекурову. Троекуров, «ставленный от Расстриги», то-есть посланный в свое время Лжедмитрием на смену Голицыну, правил спустя рукава и дел поправить не мог. Мятежи ширились. Разврат и воровство множились. И теперь большие надежды возлагали добрые сибиряки на нового воеводу. Наведет, мол, порядок.

Ожидали, что приедет вот-вот. Рассчитывали разузнать у него многие московские новости: про то, почему так бунтуют против Шуйского мужики, чем именно недовольны, с другой стороны, бояре. И при каких обстоятельствах изменили Шуйскому воеводе, посланные против Вора. Слышно было, что один из изменников, князь Иван Катырев, приговорен к ссылке сибирской. Где будут содержать злодея—в Тобольске или в каком остроге подальше? Обо всем этом надеялись разузнать у сокольничего Салтыкова.

Но не доехал Салтыков до Тобольска—помер в Верхотурьи. Любопытство тоболян удовлетворили письменные головы и дьяки, ехавшие с окольным. Рассказали много новостей, объяснили как могли: Шуйского, дела неважны—мужиков зажал вовсе, отдал в полную власть землевладельцев, вот мужики и бунтуют; горожане недовольны тоже, дворяне тоже недовольны—

бояр Шуйский возвышает; но и многие бояре тоже недовольны—за старые грубости Шуйский всем мстит, ссылает людей, отбирает поместья и вотчины; с иноземными врагами справиться не может—литовцы и ляхи Русь грабят, шведский Карл девятый под шумок оттягивает себе Карелу и берет на Ливонию все права...

Вот что рассказывали служилые люди. Обо всем знали. Одного только не могли объяснить тоболянам—кто прибудет взамен недоехавшего до Тобольска Салтыкова.

Вскоре выяснилось и это. Ко всему привыкли тоболяне, но на этот раз удивились. Они думали все же, что этого человека привезут со стражей и препроводят прямо в острог. А он—на-те!—явился править Сибирью. Главным воеводой прибыл в Тобольск князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский!

Хмурый, с опущенной головой предстал перед тоболянами князь Иван. Казалось, Катырев не оправился еще после тюрьмы и пытки. Он явно сторонился людей. Захлопнулись двери воеводского дома.

Однако, как сказано, были тоболяне людьми, привыкшими ко всему. Оправившись от удивления, стали толковать меж собой тоболяне: как быть с князем Иваном? И впрямь на Руси творится шатанье великое. Видно, у царя Шуйского и вправду на дню семь пятниц, коль сегодня провозглашает человека изменником, врагом, перелетом, а назавтра шлет воеводствовать. Оправдался князь Иван? Бояре заступились? Супруга царская замолвила слово? Никто не знал точно. Знали лишь, что жена Катырева, княгиня Татьяна, дочь патриарха Филарета, осталась там, за Камнем, в монастыре.

Что ж! Не впервой быть в Тобольске опальному воеводе. Так, видно, заведено. Сидел он у себя в избе молча. И решили тоболяне сами пойти навстречу князю.

Нашлись люди, которые сумели рассеять доuku князя. Рассеянно, но слушал Катырев нехитрые рассказы тобольских старожилов о разных чудесах сибирского севера, о таинственных идолах, о всемогущих шаманах Лукоморья. Старики-соратники Ермака поведали князю некоторые замечательные подробности похода. Оживился князь, записал кое-что на память, заметил, что не знают и не знали в Москве о многом, что касается Сибири.

Так князь Иван поближе сошелся и даже сдружился кое с кем из обитателей Тобольска. Разные тут были люди—старый воин Ремезов-меньшой, иноки Логгин и Дионисий, юный сын боярский Сергей Кубасов, родом из Тотьмы, большой любитель книг. Все эти добрые люди постарались, чтобы Катырев понял—здесь, в Тобольске, ему нечего стыдиться того великого несчастья, которое его постигло. Сибирь не удивись! Мало ли кто и за что не попадал в опалу. И ему, де, князю, пора браться за дела, ибо время не ждет, а опустив руки, прозевав, не распорядившись, можно, де, легко навлечь на себя и новую немилость.

Немилость Шуйского? Поморщился князь. Гордо поднял голову. И поняли тоболяне, что милость Шуйского не примирила бы Катырева с царем.

Кто разберет!

А тут как раз прискакал из Березова гонец. Доставил он спешное письмо от воеводы волынского. Князь Иван, распечатав письмо, не сразу понял смысл того, что написано. Анна. Почему Анна?

Казалось, что сама смута воплотилась в облике этой женщины, носящей христианское имя Анна. Анна Путреева. Кто она такая, эта княгиня кодских остяков? Князю Катыреву приходилось иметь дело с Мариною Мнишек и хитрыми паннами ее свиты. Но княгиня кодских остяков? Под ее начальством остяки шли на Березов,—так сообщал воевода волынский. А татары, объединившись с остяками, замышляют поход сюда, на Тобольск, чтоб уничтожить, стереть с лица земли этот город.

Только теперь князь Иван понял как следует, что он в Сибири, не в Москве, не среди бояр, а один здесь, в Сибири,—лицом к лицу с этой страшной и таинственной страной. Князь Иван как бы очнулся от сна. Да! Сидеть, опустив руки, нельзя. Ни дня, ни часа! Он, Катырев, должен пресечь мятеж, должен защитить этот город, должен защитить себя. Но как и с чего начать? Созывая людей, он заметил, что все эти люди не столько ждут его слов, сколько подсказывают ему самому те слова, которые необходимо сказать сегодня. Глядя на воинов, на служилых людей, князь Иван понимал с полной ясностью, что они ничего не ждут от него, царедворца, пережившего двух царей, видевшего смерть Годунова, гибель его сына, от него, плясавшего на ма-

скарадах во дни Лжедмитрия. Тоболяне готовили коней, готовили суда для похода. И ласково соглашались с теми или иными распоряжениями князя Ивана, они сейчас же забывали про него. Оставалось одно—не замечать этого.

Отряд за отрядом покидали Тобольск, уходя на север. Поступали новые известия о кознях остяков и татар. Приходили донесенья о разгроме отдельных скопищ. Новые и новые ратники выезжали из тобольских ворот. Тоболяне шли защищать свой город. Храбрая кодская княгиня Анна не осуществила своего замысла взять Березов. Удалось подкупить шаманов, они выдали Анну Путреву. Лишенные предводительницы, мятежники были рассеяны по лесам.

Эта была большая победа. Но князь Иван, принимая донесения об этой победе, знал, что личной его заслуги в этой победе нет никакой. Судьбу Сибири решали сами сибиряки—так и следовало отписать в Москву.

Больше того, сибиряки решили и судьбу князя Ивана. Здесь, в тобольском остроге, обрел силу и подлинную не книжную мудрость князь Иван. Ибо со стег Тобольска в первый раз увидел сей книжник и царедворец родину, Россию, ее настоящее, ее будущее. Участник боярских интриг, человек, умевший приноравливаться к любой обстановке, человек, ставивший выше всего свое собственное благополучие, князь Иван здесь, в Тобольске, впервые вплотную столкнулся лицом к лицу с народом. Народ показал свою силу и мощь. Народ показал князю Ивану, как надо расправляться с врагами.

Там, в Москве, бояре и дворяне хитроумно лавировали между Шуйским, Вором, Сигизмундом польским, Карлом шведским. А тем временем поляки, литовцы, шведы грабили русский народ, грабили народ где и как только можно. Народ, предаваемый знатью, терял все. Здесь, в Сибири, народ был покрепче. Он сумел отразить удар с тыла, сумел отстоять русские города от нашествия азиатцев. Сибиряки действовали дружно. И не потому ли, что среди них не было столь много премудрых бояр и дворян? Он, князь Катырев, был одним из немногих. И князь Иван видел, что при малейшей попытке какого-нибудь предательства его, князя Ивана,

голова была бы мгновенно срублена ласковыми тоболянами.

Во всяком случае здесь, в Тобольске, хотя и вокруг этого города рыскали враги, князь Иван чувствовал себя более в безопасности, чем там бы, в Москве. Здесь он спал спокойно. Пусть страшными были сны, пусть снились кучумовичи в мундирах польских гусаров и Марина Мнишек, польская панна, в меховом облике кодской княгини Анны,— пусть страшными были сны, но просыпаясь, знал князь Иван,— бодрствуют зоркие сторожа на тесовых башнях Тобольска.

6

Кое-кто поговаривал: «Старается князь Иван, боится попасть в новую к Шуйскому немилость». Но Катыврев меньше всего думал теперь угодить Шуйскому. Все чаще и чаще срывались у Катыврева с языка насмешливые слова о царе Василии. Близким людям, например, юному Сергею Кубасову, поговаривал князь Иван, что, де, царь Василий и возрастом мал и образом нелеп, но скуп вельми и неподатлив. Неподатлив! Имел Катыврев полное основание утверждать так. Лихорадочно взявшись за работу, объехал князь Иван ряд острогов, укрепил их заново, а два острога— Нарымский и Кетский— решил перенести на другие места. Но Шуйский не позволил этого сделать. Князь Иван настаивал, объяснял: стоят, де, остроги в низких местах и зальет их первая большая вода. Но подозрительный Шуйский, думая неведомо что, отказал в разрешении приняться за работу. Как же не неподатлив? Вот сплетни да доносы слушать царь горазд, а когда о деле—ничего до него не доходит. Так-то дружок, Сергей Кубасов!

Укрепляя отдаленные остроги, не забывал Катыврев и о Тобольске. Перестраивал башни, возвышал тын, углублял ров. Внутри города поставил немало новых зданий. Заботясь о друзьях своих, монахах и увечных воинах, нашедших себе приют в монастыре, распорядился князь Иван перенести этот монастырь из-за реки на гору. Попутно с монастырскими делами заинтересовался и вообще делами церковными, внял жалобам монахов, что в Сибири добрых попов не хватает, оттого и блуд и разврат всякий. Если монахи думают так, то делу можно помочь. Написал Катыврев в Вологду тамошнему епи-

скопу, чтоб прислал тот попов, искусных в сладостном пении духовном. Катырев, знаток и любитель поэзии, знал в этом деле толк, знал, как это много значит, если в церквах поют хорошо. Надо утешать народ хоть этим в такое тревожное время. Но, заботясь о пище духовной, не позабыл князь Иван и о яствах земных. И не только о хлебе, который приказывал усиленно сеять, хотя бы под стрелами татарскими, но даже и о соли. В годы войны оставила Пермь тоболян без соли—не до того было!—и только теперь поняли люди, сколь необходима эта приправа к любой пище. Князь Иван придумал отправить за солью особую военную экспедицию на Иртыш, в калмыцкую степь. Там, на Ямышском озере, по словам азиатцев, было сколько угодно соли. Так, в тяжелые годы крестьянской войны и иноземной интервенции было начато большое дело освоения русскими людьми Прииртышья. В дальнейшем это завершилось освоением всего верхнего Иртыша и постройкой Омска, Семипалатинска, Усть-Каменогорска....

В поход за солью пошли охотно. А еще более охотно, охотнее всего, шли казаки в Мангазейский уезд наводить порядок у самоеды. Конечно, это был предлог. Привлекал, главным образом, сам город, чрезвычайно разросшийся в эти годы. Там можно было купить товары, каких не найти не только в Тобольске, но и в самой Москве. Архангельские корабельщики полюбили пристань на Тазе. Вслед за поморами, пользуясь великим на Руси замешательством, беспрепятственно проникали в Мангазею и купцы—норвежские, английские, голландские. Весело жилось в Мангазее: бей в уезде зверя, продавай его в городе и живи в свое удовольствие—торговые бани, притон для игры в зернь, два дома питейных—чего еще надо. Многие, уходя из Тобольска в Мангазею, не возвращались.

Народ! В часы боевой тревоги поднимался он дружно на врага; когда же непосредственная опасность проходила, эти храбрые люди становились беспечны, как дети. И нелегко было сладить с великой толпой бородатых детей, пропадавших без вести по кабакам и бляндам.

Но князь Иван сладил. Это удалось в 1610 году, когда прискакали из Москвы гонцы с известием, что царь Василий Шуйский ссажен с трона.

Вот когда князь Иван взял по-настоящему власть.

Весть о падении Шуйского как бы выпрямила князя Ивана во весь рост. Будто бы никогда не бывал он в опале, в тюрьме, в застенке. Вот когда монахи Логгин и Дионисий, юный сын боярский Сергей Кубасов и все другие тоболяне, доброжелательно встретившие когда-то опального князя, поняли, как мудро они поступили. Стали они теперь доверенными людьми всесильного наместника, наместника несуществующего царя.

Князь Иван преобразился. Это не значило, что он стал грозен и нетерпим в обращении с тоболянами и прочими добрыми сибиряками. Нет, с тоболянами он остался таким же, каким был и раньше, но сумел он как бы по волшебству превратить Тобольск в некую часть Москвы. Установив теснейшую связь с родней и друзьями своими—боярами из войска, посылал на нужды этого войска целые обозы пушистого золота—мангазейских мехов. Катырев заставил москвичей понять, что Сибирь—ее люди, ее сокровища—это страна скажет еще свое слово на великом совете русских людей, когда будут решаться судьбы родины. И увидели бояре из войска, что там, в Сибири, у Катырева мощно растут города, растут в те годы, когда здесь, в России они рушатся под ударами иноземцев и грабителей. Там, в Сибири, нет шатости, люди дружны.

В Сибирь к Катыреву отсылали знатные люди жен своих и детей, чтоб не попали семьи в плен к неприятелю. В Сибирь к Катыреву отсылали купцы московские свой товар, чтоб сохранить его от грабежа и пожара. Объявились приказчики этих купцов на правах хозяев. Бродячие торговцы—офени—сотнями появлялись на тобольском базаре. Всем им Катырев повелел не дорожиться, уступать гостеприимным тоболянам товар по-дешевле.

Прознав про такой наплыв купцов из Москвы, снарядили в Тобольск свои караваны гости из сопредельных стран востока—из царства джюнгорского, из царства ташкентского, самаркандского, бухарского.

Знай принимай гостей, держи в безопасности дороги из Москвы, дороги с востока.

Многие тобольские купеческие фамилии берут начало именно с этих лет—с 1611—1612 года. В эти годы прижились в стольном городе сибирском и москвичи, и ярославцы, и ташкентцы, и бухаретяне.

И рос город. В то время, когда за Камнем царило

всеконечное разорение, когда чуть ли не вся русская земля опустела и люди не чаяли впредь себе спасенья, когда поляки выжигали Москву,—день за днем богател и укреплялся славный город Тобольск.

И кто не ломал шапки перед князем Иваном, виновником сего необычайного благополучия!

7

Летом 1612 года обратился к Ивану Михайловичу Катыреву с посланьем, прося совета насчет важных государственных дел, сам предводитель народного ополчения князь Пожарский. Муж честный, стоявший в твердости разума своего крепко и непоколебимо безо всякой шатости, самозванцу не служивший, в Тушино не ездивший, Щуйскому не изменявший, с поляками не стоваривавшийся,—князь Пожарский писал тому, кого сослали когда-то в Сибирь за измену. Князь Иван мог быть доволен.

Вскоре последовало еще одно обращение Москвы к Тобольску. Это был призыв Минина и Пожарского дать людей земскому войску для окончательного изгнания поляков и шведов. На этот призыв откликнулись не только русские сибиряки, но и многие люди Азии. Однако нашлись и мыслящие иначе. Некоторые предводители пелымских, лозвинских и верхотурских вогулов решили извлечь свою выгоду из этой войны. «Чем, де, нам итти на Русь воевать на войну, мы, де, и здесь повоюем в сибирских городах. Государя в Москве нет. Ныне в Сибири одни воеводы, а людей русских мало во всех сибирских городах!» Словом, затвердив, что в Москве нет царя, князьки позвали народ итти походом на русскую Сибирь и на Россию—на Пелым, на Пермь, громить русских.

Это было пострашнее, чем затея храброй княгини Анны итти на Березов. Как тогда к остякам, теперь к вогулам примкнули татары. Словно по волшебству, одновременно заволновались и племена далекого севера—уральское эхо долетело до Мангазеи. Медлить было нельзя. Это прекрасно знал Катырев.

«Спешно, на конях, полем, или в суднах, но как можно и как бы то ни было скорее» бросить войска на Пелым предписал князь Иван тюменскому воеводе Матвею Годунову. Из Тюмени туда пошла артиллерия и

несколько сот воинов русских и верных русским татар. Одновременно пошли войска из Туринска.

Вогульский поход на Пелым и на Пермь был претотвращен. Нечего говорить о том, какой помехой в деле восстановления русского государства был бы захват мятежниками Пелыма и Перми, как помешало бы такое восстанье в тылу борьбе русского народа с поляками и шведами.

Во-время были предупреждены и волнения в Сургутском и Мангазейском районах. Сибирскую шатость удалось пресечь в корне. И шли на запад к Москве обозы, полные сибирских мехов, и превращались соболя в золото, столь нужное славному русскому народному ополчению в великой борьбе против интервентов.

8

В конце 1612 года князя Ивана Катырева-Ростовского вызвали в Москву друзья его, бояре из полков. Так кончилась сибирская ссылка князя Ивана. Вез он из Сибири в числе прочих пожитков и некую рукопись. А что было написано, знали и многие тоболяне.

Проводили они князя Ивана, а встретили взамен его тоже князя Ивана и из того же самого ростовского дома—князя Ивана Буйносова-Ростовского, попавшего в Сибирь на воеводство за какие-то мелкие провинности. Ничего доброго не сумел сделать Буйносов и здесь, в Тобольске, а вскоре выплакал себе разрешение вернуться домой и уехал, передав воеводство своему родственнику—шурину и опять же опальному человеку—князю Ивану Семеновичу Куракину. Этот боярин, один из заметнейших русских военачальников начала XVII века, в годы крестьянской войны склонился к тому, чтоб посадить на русский престол поляка—«с польскими и литовскими людьми на разоренье Московскому государству советником стал». Вот почему после победы над интервентами и отправили Куракина в Сибирь на службу, то-есть в опалу. И этого человека приняла привыкшие ко всему тоболяне без удивленья. Кто знает, — может быть, ошибся боярин, может быть, оговорили боярина злые языки. И, может быть, окажется князь Куракин еще лучше князя Катырева. Тот ведь тоже явился когда-то в Тобольск с темным ликом, опущенным взором. Смотрел на храбрых сибиряков не как на

людей. Однако выбили сибиряки «кислую шерсть» из князя Ивана Катырева. Авось, мол, и с Иваном Куракиным народ сговорится.

Но вышло не так—не сибиряки выбили «кислую шерсть» из князя Куракина, а сей боярин, замаливая старые свои грехи перед Москвой, начал наводить в Сибири невиданные порядки. Сперва тоболяне молчали, тем более, что князь затеял любопытное дело—послал двух казаков Ивашку Петлина и Петуньку Киселева для разведки в Китай! И привезли из Китая Ивашка да Петунька от китайского царя грамоту о том, что русские могут в Китай ездить и торговать. Эту затею Куракина тоболяне одобрили. Но дальнейшие действия Куракина им не понравились. Принялся князь сибиряков всячески зажимать. Что есть сил выбивать стал подати. Отобрал у торговых людей в казну всякие доходные предприятия, вроде торговли вином, содержания бань. Запретил вывоз пушнины с ледовитого побережья на том основании, что, де, мол, иначе нельзя прекратить насилий торговцев над самоедью. А самое главное, напоминал он настойчиво и многократно о том, что Мангазея снюхалась с иноземцами, которые могут совсем прибрать ее к рукам; из Тобольска, де, в случае чего, Мангазею не защитить, придут морем не торговцы, а воины и отберут Мангазею и надо, мол, морской ход в Сибирь запретить вовсе не только для иноземцев, но и для русских. Он добился, в конце концов, своего—разорил Мангазею. И неслучайно то, что в годы упадка Мангазеи пришли в упадок и некоторые другие северные сибирские города, а в том числе и сам стольный город Тобольск. На рубеже 20-х годов, когда Мангазея оказалась наполовину покинутой жителями, уходящими на восток, замерли, опустели и посады вокруг Тобольска. Осталось в Тобольском посаде немногим более полсотни домов. Не ужились сибиряки с князем Иваном Куракиным. Грозные пожары почти одновременно разразились в Мангазее и в Тобольске. Там и тут красный петух был пущен на страх воеводе. Вскоре же после этих пожаров отбыл из Сибири Куракин. Его отозвали поспешно. В общем, он оправдался перед царем Михаилом, а вернее, перед отцом царя патриархом Филаретом. Горько плакал князь Куракин перед патриархом, жалуясь на трудность сибирской службы, на воровство и развращенность сибиряков. Мол, не соблюдают они

законов ни божеских, ни человеческих. Пошлин платить не хотят, мягкую рухлядь утаивают, крестов не носят, постных дней не хранят, стали заодно с дикарями. перенимают одежду и обычай их и едят вместе, живут с некрещеными язычниками, живут с кумами и сестрами своих жен, девок из России сманивают, а то и выкрадывают, продают, при отъездах закладывают на срок, словно не жены, а шубы; не имея денег выкупить, женятся на других. Распустились! В годы смуты, мол, не было в Сибири шатости. И без них, мол, сибиряков, Русь погибла бы. Если б, мол, не они, сибиряки, то вогулы Пермь, а татары, пожалуй, и Москву взяли бы. И не есть ли сия гордыня последствием того, что управляли Сибирью мягкотелые воеводы, всякие там князья ротовского дома.

Филарет не принял этого намека. Князь Иван Катырев, тот, в кого, по злобе своей, метил Куракин, по-прежнему появлялся при государе за царским столом и за столом патриарха. Что же касается до сибиряков, так решил Филарет для обузданья их непомерной гордыни и для исправленья нравов послать в Сибирь на помощь власти светской и власть духовную. Решено было учредить в Тобольске особую епархию, поставив во главе ее мужа и твердого и доблестного — архиепископа Киприана.

Киприан выехал в Тобольск наводить порядки, но не сладя сам с буйными сибиряками, а главное с их развращенными воеводами, потребовал Киприан сыщиков-следователей для разбора всех этих дел докучных мирских. И помчались в Сибирь строгие следователи—Иван Спасителев да Арефа Башмаков. И чесали себе затылки храбрые тоболяне. Нет! В годы войны, когда шли на Тобольск остяки, вогулы, татары, было легче, спокойней. Где-то славный князь Иван Катырев, который не звал из Москвы сыщиков, не заводил следствий, не сочинял по каждому поводу жалоб, а правил как мог, да советовался про то, в чем сам был не тверд, с добрыми людьми.

9

Князь Иван, несомненно, слышал обо всех этих бедах и недоразумениях тобольских. Теперь, служа на почетных должностях в Москве, не забывал князь Иван

о Сибири, о стране, которая вернула ему честь и славу. Кое-кто из старых сибирских друзей при содействии Катырева перебрался в Москву. Так, приехал сюда и получил здесь должность сын боярский Сергей Кубасов, любитель книг. И беседуя с Кубасовым о злоключениях тоболян, вздыхал князь Иван. А, может быть, и верно, правя там, в Сибири, не мудро, потворствуя народу храброму, но порой по-детски беспечному, толкнул он сибиряков на дурную дорогу? Вселил в них дух гордыни и неповиновения! Как же! Не будь, мол, нас, так вогулы и Пермь охватили бы, а татары и Москву взяли б.

Порою, слыша о том, что творится в Сибири, он был готов снова пойти на сибирскую службу. Казалось Катыреву, что не так поступают правители. Надо так, а они совсем по-другому. Где надо лаской—там палкой. Где надо палкой—там они лаской. Он-то уж знает, как надо. Изучил. И поехав бы, сделал. Но не отпустили бы теперь Катырева далеко из Москвы. После двух походов на поляков и на крымцев велели Ивану быть при дворе. Патриарх Филарет знал, зачем это нужно. Ибо кто, как ни князь Иван, искусный книжник и сочинитель, мог написать лучше то, что необходимо было написать именно теперь. Важную князь Иван писал повесть. И рассказал он в этой повести о делах более любопытных для мира, чем дела тобольские да мангазейские. И надобно было, чтоб писал сие князь Иван в Москве, а не в далеких походах. Так что незачем князю Катыреву стремиться в Сибирь! Пусть толкует он о делах сибирских с дружкой своим Сергеем Кубасовым, который, кстати сказать, усердно помогает Ивану трудиться над сочинением повести.

10

Сибирское следствие давно кончилось. Присмирели сибиряки. Светские власти стали во всем покорны Киприану. Архиепископ стал с той поры полновластным хозяином Сибири. Киприан учредил за время своего служения в Сибири двенадцать монастырей, которые, помимо всего прочего, явились школами грамоты — двенадцатью школами грамоты в русской Азии! Монахи усердно обращали в христианство азиатцев. Киприан мог только радоваться своим победам. И собираясь уже вернуться в Россию, сделал архиепископ еще одно

большое дело, — призвал он всех оставшихся в живых казаков — сподвижников Ермака Тимофеевича и сказал им, что пора составить повесть о том, как было завоевано сибирское царство. Думал Киприан расспросить казаков и записать их рассказы о том, как сражались с татарами, сколько было людей в дружине и кто где убит. Однако, вместо устных рассказов, получил Киприан от многих старых казаков письменные грамотки. Оказалось, что грамотеев среди сподвижников Ермака Тимофеевича было весьма и весьма немало. Что ж! Тем лучше. Имена Ермака и казаков, убитых при покорении Сибири, Киприан записал в синодик соборной Софийской церкви и заповедал, чтобы протоиерей ежегодно в неделю православия вспоминал всегласно имена героев и возглашал им вечную память. А письменные сведения о завоевании Сибири, данные казаками, Киприан сличил, кое-чем дополнил и свел в тот единый труд, который и известен нам под именем первой сибирской летописи.

II

И вот приблизительно в то время, когда была составлена Киприаном первая летопись сибирская, в Москве появилась другая книга, составленная неким тобольянином. Это был так называемый «Хронограф» Сергея Кубасова, тобольского сына боярского. В этой книге рассказывалось сначала о делах далекой старины, о событиях, происшедших до Ивана Грозного, затем о Грозном и, наконец, о событиях начала XVII века. И было удивительно: как ярко, умно и живо описал годы смуты этот тобольянин Сергей Иовлев сын Кубасов, скромный уроженец Тотмы, служивший затем в Сибири сыном боярским и подъячим. Казалось, что этот Кубасов сам был при дворе Бориса, сам с глазу на глаз беседовал с самозванцем, а затем стал одним из ближайших приближенных царя Василия. Как мог этот подъячий из Тобольска видеть так зорко все то, что творилось в Москве?

Удивительное дело. Но не удивлялся сему патриарх Филарет, мудрый родитель царский. Недаром вернулся с сибирской службы в Москву князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский. Недаром он выписал к себе в Москву и скромного друга подъячего Сергея Кубасова.

Князь Иван не гнался за славой. Князь Иван охотно уступил права авторства помощнику своему подъячому Сергею Кубасову. Те, кому надо было знать истинное имя автора,—знали.

Эта была не первая повесть о годах великой смуты. Но те труды, которые появились прежде, не удовлетворяли уже требованиям времени. Пора было противопоставить что-то «Иному сказанью», рукописи, которая ходила еще в списках. «Иное сказанье», клеймя Годунова и самозванца, восхваляло Василия Шуйского. Такая книга была не ко двору Романовых. «Новая повесть» и «Плач о земле русской» были хорошими книгами, призывающими русских людей на борьбу с иноземцами, но они обрывались на событиях 1610—1611 годов. Повествующий о дальнейших событиях современник Тимофеева был полон утомительных и далеко не всем понятных иносказаний. А о писаниях князя Ивана Хворостинина нечего было и говорить. Уж кому, как ни Катыреву было ясно, что стоят писания этого еретика и «гусара». Кто, как ни Хворостинин рядился при самозванце в ляшское платье? Что мог написать такой человек? Одну ересь, одну ложь, одни оправданья своим богомерзким поступкам. Конечно, написал он хорошо, складно, ловко, но тем более необходимо было опровергнуть сию еретическую книгу. Вот почему, с благословенья Филарета, взялся князь Иван Катырев за перо. И, не гонясь за славой, написал свою повесть.

Он старался быть справедливым и беспристрастным в оценках людей и событий. Человек, принадлежавший к тому общественному классу, которого не миловал ни Грозный, ни Годунов, князь Иван отдавал должное и Грозному и Годунову. Не старался он осрамить, замарать грязью и память «нелепого» Шуйского. Был сдержан. И, безотносительно к своим личным привязанностям, сумел найти нужные слова для осуждения всех изменников и для прославления всех, кто действительно боролся за счастье родины.

А право назваться автором этой книги он отдал тобольянину. Не потому ли, что Тобольск научил князя Ивана той мудрости, какая была необходима, чтоб написать сию книгу?

Да и другие-то труды свои,—а писал он немало,—не подписывал Иван Катырев своим именем сполна. Так, например, составив «Трактат на икоборцы и на

всея злые ереси, — люторы, новокрещенцы, кальвины и прочия блядословцы», подписал сей трактат он так: «Многогрешный и непотребный раб божий восточной церкви дукс Иван». И кто разберется, что заставило подписаться так скромно — воспоминания ли о грехах молодости или что еще...

И еще более скромно, вовсе без подписи выдал потомству князь Иван последний свой труд... Может быть Катырев не хотел тут соперничать с Киприаном, хотел оставить за почтенным архиепископом первенство... Может быть были и какие другие причины, но только та летопись, которая была составлена Катыревым на склоне лет, не подписана им. Эта сибирская летопись носит название строгановской, потому что была найдена в доме Строгановых. Написана она прекрасным образным языком, который отличает все другие труды князя. А особенно убедительно свидетельствуют об авторстве Катырева великолепные описанья природы, которые так удавались Катыреву в других его сочинениях. Иван Катырев — один из первых певцов русской природы.

Эта летопись увлекательно рассказывает о завоевании Сибири русскими, о подвигах Ермака и его товарищей. И, составляя эту летопись о бедах и радостях русских людей за Уралом, быть может надеялся многогрешный и непотребный дукс Иван, что будет когда-нибудь и кем-нибудь описана и его жизнь, бурная и беспокойная жизнь сына великой смуты.

Скончался дукс Иван в 1640 году.

V. СЫН БОЯРСКИЙ

I

вор Ремезовых ничем не выделялся среди других деревянных построек Тобольска. Дерево, как и всюду. Он находился в слободе близ стен острога. Казенная изба, переходя к Ремезовым от поколения к поколению, стала ремезовской наследственной собственностью. Здесь жил дед Моисей по прозванию

Меньшой, простой воин, участник походов на остяков, вогуличей и татар в старое тревожное время, когда азиатские князьки, пытаясь вернуть себе былое величие, шли походами на Тобольск, чтоб стереть с лица земли стольный город Сибири. В этой избе родился Ульян Ремезов, который впоследствии получил звание сына боярского. В Сибири получить сословные преимущества было легче, чем за Уралом, многие казаки и стрельцы бывали тут жалованы в дети боярские и в дворяне — кто за доблесть, кто за усердие и грамотность. Ульян же Ремезов в начале пятидесятых годов XVII века выполнил важное поручение правительства. Случилось это так: весной 1650 года явились в Тобольск с верховьев Иртыша послы от грозного, но дружелюбного восточного государя — Аблая, тайши калмыцкого. Сообщили, что готовится Аблай в поход на казахов. И, для обеспечения победы, требуется ему волшебный талисман. А талисман этот надеется получить Аблай именно через посредство тоболян. Наслед-

ники татарского мурзы Кайдаула и кодского князя Алача тем талисманом незаконно владеют. Так пусть его величество молодой царь Алексей Михайлович повелит храбрым тоболянам, чтоб отобрали они у наследников Кайдаула и Алача и передали тайше Аблаю волшебный талисман — доспехи славного Ермака Тимофеевича.

Москва решила удовлетворить просьбу калмыцкого властителя. Но для того, чтоб послать доспехи Ермака в подарок Аблаю, необходимо было их прежде отобрать от наследников Кайдаула и Алача. Отобрать не насильно, а мирно. И выполнить это должен был тобольский воевода Хилков с помощью своих служилых людей. Однако, владельцы доспехов Ермака и слышать не хотели о том, чтоб отдать. Ни ласки не действовали, ни угрозы. Но, в конце концов, привез все же Ульян Моисеевич Ремезов в Тобольск ермаковскую кольчугу. Уговорил-таки наследника мурзы Кайдаула!

Кольчуга Ермака! Состоящая из искусно сплетенных между собой железных колец, эта кольчуга имела два аршина длины и аршин с четвертью ширины в плечах. Спереди и сзади она была украшена золотыми двуглавыми орлами — мишенями царскими. На подоле и на рукавах зеленела окислившаяся медь. Семьдесят пять лет прошло с тех пор, как погиб облаченный в эту кольчугу Ермак. И вот сотник стрелецкий Ульян Ремезов повез ее в подарок калмыцкому тайше Аблаю!

Аблай торжественно принял гостей тобольских. С великими почестями взял ялмык кольчугу в свои руки, поднял ее высоко над головой и затем поцеловал. И вспомнил Ермака Тимофеевича, как пришел тот в Сибирь с войском, как воевал, как погиб и что произошло с его мертвым телом. «Когда оно было найдено, — сказал Аблай, — в него пускали стрелы и — чудо! — из него текла кровь!» Аблай вспоминал о том, где и как похоронили Ермака, как над могилой показывался огненный столб и пламя, подобное пламени свечи, — знамения, которые были невидимы для русских, — как были поделены панцыри и одежда, какие про них рассказывали чудеса, как татарам было под страхом смерти запрещено показывать могилу и о чудесах говорить. Аблай удостоверил, что сам испытал силу чудес — в юности, заболев, ел землю с могилы Ермака и выздоровел. И имеет он, Аблай, обыкновение, идя на войну,

брать с собой немного этой земли, и когда берет, то поход бывает успешен. Вот почему он, Аблай, и просил у царя России в дар доспехи Ермака Тимофеевича. Он принимает этот дар с глубоким уважением в знак величайшей милости царской. И отныне он друг русским навсегда. Он будет бережно хранить эту драгоценность, которой, конечно, недостойны владеть ничтожные потомки Алача и Кайдаула. А он, Аблай, теперь хочет идти войной против соседей и надеется на полную победу, имея кольчугу Ермака.

Ульян Ремезов с товарищами испытывали великую гордость за то, как славен Ермак у азиатцев. Тоболяне знали наверно—теперь-то уж калмыки Аблая не будут замышлять поход на Тобольск, как это делали они несколько лет назад. Заполучив волшебный талисман, пойдут в большие южные походы, куда приходилось ходить и тоболянам,—на немирных кочевников, которые грабят караваны туркестанских купцов, направляющиеся к Тобольску. Что же касается чудес, так Ульян Ремезов записал дивный рассказ Аблая и попросил тайшу скрепить этот документ своей калмыцкой печатью. И, доставив грамоту в Тобольск, передал ее воеводе Хилкову. А копию оставил у себя дома. И хорошо сделал, ибо очередной пожар, уничтоживший вскоре почти весь Тобольск, не пощадил и архива съезжей избы. А изба Ремезовых уцелела. И многие ценности сохранились в этой скромной избе. Записи Ульяна о своих походах, трофеи этих походов, луки, стрелы и копья северных воинов, узорчатое оружие южных кочевников, изделия из мамонтовой кости и пышные меха стран полуночных, ковры, шелка и цыновки восточных стран—чего только не было тут! Хранился тут чай—растенье, настой из которого пьют китайцы. Первый ввез чай в Россию посол к Алтын-хану монгольскому Василий Старков. Возвращаясь Сибирью, он останавливался в 1638 году в Тобольске и подарил кой-кому чаю. Был здесь и табак, за употребление которого жестоко преследовали в России. Но этот табак был привезен не из Камня, а с востока из того же Китая; спокон веков поступал табак из этой страны сюда, в Сибирь, под названьем травы Думбагу.

Много редкостей и ценностей хранила старая ремезовская изба. Сын стрелецкого сотника Ульяна Ремезо-

ва, внучек деда Моисея Семен имел чем позабавиться в родительском доме.

2

Семен родился в начале шестидесятых годов, — году в 1662, — словом, в те беспокойные годы, когда за Камнем разразилось огромное восстание башкир и перекинулось не только на юг к ногайцам, но и сюда, в Сибирь. Внучата кучумовы под предводительством Девлет-Гирея, объединившись с башкирами, тревожили сибирские рубежи. Тобольский полк пошел на войну с башкирами и татарами. С этим полком уходил из дому и Ульян Моисеевич, сын сотника, отец Семена. А затем Ульян Моисеевич уходил на север, ибо остяки и самоеды пытались снова, как полвека назад, разгромить город Березов. В доме стрелецкого сотника Ремезова лучше чем где-нибудь знали обо всех этих страшных событиях, и старики, как подобает, вздыхая, вспоминали «о добром старом времени», когда и все-то было не так, как теперь. По рассказам стариков выходило, что промежуток времени между концом «смуты» и пятидесятыми годами, словом — их молодость, — был самой счастливейшей порой. И азиатцы, мол, убедившись в мощи нового царствующего дома Романовых, оставили свои бунтовские замыслы, — Алей сын кучумов сдался русским и поехал жить в Ярославль, калмыки перестали грабить порубежные села, Алтын-хан монгольский попросился под высокую царскую руку, а северные князцы Алачевы, так те всем семейством явились в Тобольск и крестились здесь зимой 1633 года прямо в проруби на Иртыше! Так вспоминали старики — дед Моисей и его соратники. Конечно, они, отдавшись воспоминаниям молодости и припоминая приятное, забывали про неприятное, забывали, что в то время, как одни восточные владетели просились под высокую царскую руку, другие затевали войну на порубежных линиях, в то время, как Алей поехал жить в Ярославль, внук Кучума Аблай грабил вместе с калмыками русские селенья... Но, во всяком случае, было в разговорах стариков и немало верного — если годах в тридцатых после окончательного разгрома иноземных захватчиков, поляков и шведов, жизнь на Руси, казалось, начала налаживаться как надо, так теперь снова все изменилось

к худшему. Особенно после смерти Михаила Федоровича, когда взшел на престол Алексей. Непокойно стало в Сибири, а уж о России и говорить нечего. Соляной бунт, медный бунт, мятежи в Поволжье. Восстания башкир, татар, ногайцев. А Степан Разин, донской атаман казацкий, на бояр да князей повел бедноту православную, русскую!

В годы новой крестьянской войны, в годы восстания Разина, в тревожные годы рос Семен Ремезов, сын стрелецкого сотника тобольского.

Почему бунтует народ? Вернее, почему бунтуют народы? Мальчику было уже тринадцать лет, его уже интересовали эти вопросы, он хорошо понимал, что творится вокруг. И, в частности, прекрасно мог разобратся в тех ворчливых словах, которые, смешно коверкая русский язык, произносил Юрий Крижанич.

3

Юрий Крижанич не мог не бывать в доме Ремезовых. Крижанич живо интересовался настоящим и прошлым Сибири, а дед и отец Ремезова много знали и многое могли рассказать. Дед Меньшой помнил первые годы владычества русских в Сибири, помнил смутное время, видел расцвет и гибель славного города Мангазея. Отец Ульян Моисеевич бывал и в княжествах северных князьков и в столице бродячей калмыцкой державы. Не он ли, Ульян, возил тайше Аблаю кольчугу Ермака Тимофеевича! Крижанича интересовали и мангазейцы, и калмыки, словом — все. И обо всем он имел свое мнение. И часто загорались споры, которые с жадным любопытством слушал отрок Семен. Особенно хорошо запомнил Семен спор Крижанича с отцом по поводу чертежа сибирской земли, написанного тобольским воеводою Годуновым. Это было в 1674 году. Годунов, по повелению царя Алексея, изобразил не только Сибирь, но и прилегающие к ней страны и в том числе Китай. Этот чертеж, угловатый и странный, очень поразил Семена. Мальчик всякими правдами и неправдами стремился проникнуть в дом воеводский, чтоб посмотреть на чудную карту. И вот однажды Крижанич заговорил с отцом о воеводском чертеже — о Сибири и сопредельных странах востока. «Напрасно, де, русские люди стремятся на далекий восток, — ворчливо сказал Кри-

жанич.—К чему вам восток? Он вас поглотит. Это немцы на зло, из пакости, чтоб вас погубить, учат вас итти на восток, хотят отвлечь от возможных дел и обратить на невозможное, чтоб русский народ пошел на глупое завоеванье Китая, а русским государством завладели бы немцы и татары! Не поддавайтесь немецкой лести, не слушайте, — закричал Крижанич, — ксеномания, сиречь — чужебесие, это — смертоносная немощь, заражающая народ».

Ульян Моисеевич выслушал гостя. Старый сотник тобольский видывал на своем веку и немцев. «Есть немцы голанские, есть немцы французские, есть немцы прусские»,—размышлял сотник. В юности, еще при князе Куракине, в 1618 году сослали за что-то из Москвы в Сибирь некоего французского немца Савву. Сей Савва-французанин развел близ Иртыша огород и, выгодно торгуя овощами, стал известным человеком. Верно! Ульян Моисеевич помнил, что Савва-французанин имел свое суждение и о делах государственных. Не он ли, сам иноземец, все уговаривал Куракина-князя, чтоб тот выгнал из Мангазеи всяких заморских немцев... Насчет же Китая он, как будто, ничего не пророчил. Кто ж пророчил насчет Китая? Да! Не те ли рейтары-немцы, что приехали в Тобольск как раз в год появления здесь и Крижанича. В год рожденья Семена—1662 год. Тогда в Тобольске составляли полк, чтоб двинуть на восставших башкиров и татар. Наемники прусские—немцы приехали обучать тобольян—стрельцов, казаков и детей боярских—рейтарскому и солдатскому артикулу. Вспомнил Ульян Моисеевич этих майоров и ротмистров. Ну, конечно, они и болтали про Китай. Хвастуны, забияки и бражники. Верно уж скнипы. Засмеялся Ремезов и сказал Крижаничу, что воевать Китай было бы действительно глупой затеей. Если какой-то немец и пророчил, что царь Алексей завоюет Китай, так врал это немец сдуру или в самом деле желал царю зла. Нет! Воевать Китай тоболяне не собираются! Но насчет верховьев Оби, Иртыша, насчет Забайкалья, насчет Лены, Амура—это дело другое. Эти земли должны стать принадлежностью державы российской. И не прав Крижанич, говоря, что надо прекратить движение на восток и заключить мир со слабыми, но воинственными правителями этих мест. Эти правители не только сами предадутся тому же Китаю

или царям самаркандским либо ташкентским, но еще и будут всяко тревожить русскую Сибирь. Да и попробуй удержи землепроходцев, идущих на север, восток и юг!—сказал в заключенье Ульян Моисеевич.—Попробуй, Крижанич, останови казаков, что вышли с Мангазеи на Енисей, а оттуда на Лену и на Амур! Попробуй, верни их обратно.

Крижанич, упрямо покачав головой, возразил, что русским надобно стремиться не на Амур и Лену, но на Понт Евксинский, на теплые моря, открывающие путь к благословенному «Маре Интернатум». Сиречь Средиземному морю. Византия! Вот путь русских! Ремезов пожал плечами. Византия, по правде говоря, мало интересовала храброго тоболянина. О берегах Понта Евксинского, как это казалось Ремезову, достаточно думают казаки донские. А здесь и своих дел хватает.

Вот тогда-то Крижанич и завопил, что, де, казаки донские, равно как и люди Поволжья, увы, не способны стали служить своей родине, как надо! И виноваты, мол, в этом не столь они сами, сколь правители России—не мудрые, самовладцы несовершенные! Людодержством, сиречь тиранией, выколачиванием налогов и податей довели правители народ до кровавого и буйного мятежа. Потому и восстали против тиранства люди под знаменами Разина!

Ульян Моисеевич вытолкал буйного гостя своего в шею. Не заявлять же в самом деле на сего Крижанича слово и дело государево! Ах, беспокойный и вздорный человек! Мало ему, что уж попал сюда, в Тобольск, в ссылку.

И действительно, вот уже больше десяти лет, как пребывал в Тобольске оный Крижанич. Уроженец далекого запада, хорват родом, католический поп, еретик, целовавший туфлю римского папы, надумал этот Крижанич, что настанут счастливые времена, если все славяне—хорваты, чехи, поляки, русские—объединятся духовно под главенством римского папы, а государственно объединятся под высокою рукою русского царя. И будет это объединенье всех славян против немцев, которые суть саранча, скнипы, пагубная зараза земли. Вот и явился Крижанич в Москву проповедывать такой великий союз, учить царей русских, а попутно и обличать несовершенство русских порядков, как это он понимал. За все сие вместе и очутился в Тобольске под над-

зором властей. Получая от казны семь с полтиною в месяц, жил безбедно. Творил труды весьма премудрые— трактат о государстве да «Грамматично исказанье об русском иезику», чтоб познали люди такое наречье, которое было бы понятно для всех славян света божьего. Так и жил. И теплилась лампада в его келье еще в те ночи, когда пищал Семен Ремезов в пеленках, да так же теплилась эта лампада и теперь, когда сын стрелецкого сотника уже познал грамоту и подумывал о том, что скоро пойдет на службу царскую. Отец, по мере того, как Семен подрастал, многое кой о чем рассказал сыну. И теперь, в этот раз, выпроводив гостя, объяснил сотник сыну, что мудр, конечно, Крижанич, но не во всем. Вспомнить к примеру его рассуждения о расколе. В 1664 году ересиарх протопоп Аввакум, возвращаясь через Тобольск из Даурской ссылки, пожелал видеть Крижанича. «Вот, мол, не я еретик, а он». И что ж получилось? По началу Крижанич себя вел разумно. Пришел и спросил у Аввакума благословенье. А тот: «Не подходи! Скажи сначала, какой ты веры!» На то Крижанич спокойно ответил, что о вере готов объясниться с архиереем, но не с Аввакумом, который сам подвергся сомнению в вере. Хорошо сказал! Но потом, как начал уж он, Крижанич, болтать после отъезда Аввакума, так прямо и слушать было тошно! «Глупцы, мол, они, монахи, не желающие стереть с себя плесень старинной дикости. Не от глупых ли безграмотных мужиков, не от глупых ли причин, ради того, что срачица переменена на саван, и поднялся на Руси раскол?». Тут-то, в этих-то рассуждениях и показал Крижанич, что смотрит он поверху, не всегда вникая в суть. Причина раскольниковых бунтов,—хмурясь пояснил сыну Ульян Моисеевич,—в том же самом, в чем и причина войны Степана Разина,—в людодерстве великом, в том самом людодерстве, которое Крижанич правильно обличает. Годь не зря мужики, казаки, стрелецкая беднота в церковные дела впутались. Не из-за срачицы, не из-за савана, не из-за буквы книжной! А чтоб насолить царю да боярам да патриарху Никону, который высшей предался власти и с людодерами стал заодно. То-то, сынок! Но об этом помалкивай!

Отец же знал. Не раз выезжал и сам он по приказу воеводы разгонять скиты раскольников, которых все больше и больше становилось в лесах сибирских дре-

мучих, не однажды вламывался он с саблей в руках в пылающие избы и с руганью выталкивал оттуда за волосы отчаянных самосжигателей. Безумье! Но у безумья были свои причины.

И не мог честный сотник Ульян Ремезов таить от себя всего этого. И не мог не поведать сыну, подростку, который вот-вот пойдет и сам на трудную службу царскую. И часто, возвращаясь из служебных поездок, отец писал что-то,—писал, раздумывал, рвал, писал снова...

Писал отец, перебирал старые бумаги. Мерцала по ночам лампада в келье ссыльного хорвата. Крижанич писал свое,—выдумывал новый язык, понятный для всех славян мира, писал о том, как надо управлять государством, делал заметки о стране Сибири. Писал немало и воевода Годунов, окруженный дьяками своими, письменными головами. Что писали они? Объяснительные записки к чертежу земли сибирской? Или извещения в Москву о последних нападениях калмыков и киргизов на пограничные остроги? Или о побегах содержимых в Сибири ссыльных рязанцев и малороссиян? Или о самосжигательстве раскольников?

В беспокойное время рос Семен Ремезов. 2 700 душ христианских из тобольского, верхотурского и тюменского уездов и из городов погибли в огне самосожжения в 1678 году! А Тобольск взарялся иными пожарами. В том же 1678 году выгорело полгорода от воров-поджигателей. Двора сто три по самый девичий монастырь сожрало пламя. Кто жег? Раскольники? Бунтовщики-ссыльные? Беспокойно было в Тобольске. Еще беспокойнее было в России, за Камнем.

Но Москва, далекая, шумная, окруженная волнующимися народами,—Москва—мать земли русской, несмотря ни на что, росла и крепла. Она, в спорах с западными соседями, занимала все более и более прочное место среди великих европейских держав. Иностранные послы соперничали за право на близость к царю. Англичане соревновались с голландцами в поставке на Русь своих товаров и спорили, кто из них прежде получит право на транзитную торговлю через Россию и Сибирь с волшебными странами востока. Но ни те, ни другие не получили привилегии для судовождения по Иртышу, Оби и Енисею... Дорога к Китаю и Индии пролагалась не иноземцами, а храбрыми сибиряками. И, как говорит

один из исследователей нашей страны, в эти годы все ясней и ясней выступала из мрака неизвестности еще неведомая до того образованному миру значительная часть азиатского материка. В течение семидесяти лет русские землепроходцы заняли и покорили всю северную Азию, одну из величайших равнин земного шара! Россия стала лицом к лицу с Китаем, со Среднею Азией. Огромными посадами, русскими, татарскими, бухарскими слободами оброс Тобольск. Пожирали и город и слободы пожары, топили наводнения, но снова и снова вставал Тобольск—город стольный. Разноплеменная толпа шумела на торгу. Величественный посольский двор был открыт для восточных гостей.

Мальчик Семен Ремезов был свидетелем того, как в конце 1674 года проследовало через Тобольск в Москву посольство Очирей Саип хана Халкасского, а весной следующего 1675 года проследовало через Тобольск из Москвы в Пекинь посольство Спафария; весной 1678 года через дымящийся от пожаров Тобольск проследовало в Москву посольство владетеля Кошгыры джунгорца Галдана Бошокту, а в 1680 году тобольский воевода переслал владетелю Монголии Лоузану похвальную царскую грамоту за его верноподданничество.

Восток не поглотил Россию, как того боялся Крижанич.

4

В тысяча шестьсот восемьдесят первом году Семен Ремезов был поверстан в чин из неверстанных детей боярских. Иными словами подросток превратился в мужчину. Пошел на службу, женился, стал видным человеком в Тобольске. Заслуги отца и деда открывали Семену Ремезову широкую дорогу. Начиная служить, Семен Ульянович мечтал о том, что выполнит дела не меньшей важности, чем были выполняемы когда-то его отцом. Но, как видно, доспехи Ермака встречались не на каждом шагу, да и восточные владетели теперь не столь стремились к приобретению волшебных талисманов. Времена изменились, изменились и нравы, изменилась и служба. В первые годы службы Семена Ремезова Тобольск был поглощен перипетиями борьбы между властью духовной и светской. Духовная власть полагала, что воеводы недостаточно строги в делах бла-

гочестия, мало заботятся о нуждах церкви, о благополучии монастырей, сквозь пальцы смотрят на бегство крестьян с монастырских земель, слабо борются с раскольниками. Митрополит полагал, что раскольники именно потому и не унимаются, что воеводы недостаточно строги. Воеводы же указывали митрополиту, что если он не оставит столь жестоко преследовать раскольников, то быть беде. И так уже раскольники стали жечь не только себя, но и православных—подожгли около Тюмени в Каменке церковь во время заутрени. Четыреста православных погибло. И, мол, лет десять назад пытались уже какие-то воры сжечь весь Тобольск, а ныне сожгут наверняка. Митрополит, учтя сие предупреждение воевод, начал строить церкви каменные и такие же стены вокруг них. Украсил Павел Тобольск чудными каменными храмами, но толковали воеводы, что, де, мол, Павел из трусости каменные церкви строит. Митрополит, узнав, отлучил нескольких воевод от церкви. Стал жаловаться в Москву царевне Софье. И опять издевались гражданские власти, сравнивая Павла с известной персоной из стихотворной повести,—похож, мол, Павел на попа ябедника Савву, который «по приказам волочится». Семен Ремезов рад был оказаться подальше ото всей этой канители и с охотой уезжал из Тобольска. Он не однажды ездил на Урал, проверяя, достаточно крепки ли заставы для преграждения самовольного перехода русских людей в Сибирь. Изменились времена, изменились! Прежде радовалась Москва, что Сибирь заселяется, а теперь повелела запрещать переход. Помещики боялись как видно, что все крестьянство перебежит сюда, за Камень! Ездил Семен Ремезов на юг к джунгарам, к киргизам и на дальний север выручать корабельщика Родиона Иванова, потерпевшего крушение на западном берегу Ямала у Шароповых кошек.

И скитался так по Сибири Семен Ульянович без малого десять лет. Путешествуя, молодой Ремезов уделял немалое внимание осмотру старинных городищ, капищ языческих идолов. Искал камни-самоцветы, руду. Чгоб не забыть, где это видел, стал он делать подробные записи и сопровождать их чертежами, а то и просто рисунками. Рисунки удавались.

Ремезовская изба наполнялась мало-помалу новыми редкостями и диковинками—рисунками, чертежами, кам-

ними, всевозможными предметами, привезенными изда- лека. И дивились на все это, как когда-то дивился сам Семен Ульянович на находки отцовские,—дети Семена, сыновья малолетние—Иван, Леоид, Петр и Семен Семеновичи.

Давно умер дед Меньшой. Отдал душу богу и Ульян Моисеевич. Но росло новое поколение. Уж пятым ре- бенком ходила жена Семена Ремезова, могучая сибирячка, не расстающаяся ни зимой ни летом с пышным собольим мангазейским душегреем. Жена нянчила де- тей. Семену Ульяновичу все не сиделось дома. Он про- должал бы путешествовать и дальше, если б не попа- лись однажды его курсовые записи, зарисовки и чер- тежи на глаза тому же самому митрополиту Павлу. По- смотрел Павел чертежи ремезовские и объявил, что ни- кто иной кроме Семена Ульяновича не сможет приду- мать, какова должна быть новая каменная стена во- круг архиерейского дома. Ремезов согласился сделать чертеж и проследить за постройкой. Но что-то плохо ладилось дело. Затянулось. Переделывали, откладывая завершение работы с весны на осень, с осени на вес- ну... Так, в хлопотах вокруг этой злополучной стены и провел Ремезов время до 1689 года. А тут и самому не захотелось больше никуда уезжать из Тобольска. Любопытные шли из Москвы вести.

5

В Москве совершились большие перемены. Молодой царевич Петр взял власть в свои руки. Царевну Софью заключили в монастырь. Жестоко поплатились за своевластие стрельцы московские. Притихли раскольни- ки, поднявшие было голову в годы правления Софьи. А что дальше? Про Петра толковали, что он окружил себя иноземцами, вводит в обычай все иноземное. Вот когда действительно началось все то, от чего так на- стойчиво предостерегал старый ворчун Крижанич—под- линная ксеномания, сиречь — чужебесие. Кое-кто из то- болян помнил слова мудрого хорвата. Что-то надела- ют на Руси иноземцы? Спросить бы Крижанича. Но дав- но уж, еще в год смерти Алексея Михайловича, уда- лось вырваться Крижаничу из Сибири, а вскоре и утечь за границу. И толковали тоболяне меж собой, гадали,

что будет дальше? Как бы не поддался молодой царь на немецкую лесть!

Из Москвы от молодого царя шли какие-то необычайные, торопливые и не всегда приятные распоряжения. Более чем когда-либо усилились строгости насчет взимания пошлин, выплачивания ясака. В то же время последовали указы не обижать азиатцев,—не пытаться и не казнить их без доклада государю. Не верил, видно, царь, в мудрость сибирского начальства, раз так ограничивал его законные, вековые права. Да! Так оно и было. Все чаще стали поступать распоряжения, показывающие, что не весьма уважает молодой царь старую сибирскую администрацию — почтенных бородачей-воевод. Пришел однажды указ прямо оскорбительный. Повелел царь верхотурскому кабацкому и таможенному голове строжайше осматривать людей всякого звания без различия пола и возраста, а в том числе и воевод, со всеми их чадами и домочадцами—не везут ли в Сибирь в излишке мед, пиво, вино и табак для обмена на мягкую рухлядь, а из Сибири не везут ли в платьях, в постелях, в полозьях, в хомутинах мягкую рухлядь. Знаем, мол, куда деваются лучшие меха!

Проскакал сломя голову через Тобольск петров посол к китайскому богдыхану, некий Избранд Идес, датчанин. Не был он похож на чинных старых послов московских.

Семен Ульянович в эти дни был занят делом скромным и благочестивым. Он, по просьбе нового митрополита тобольского Игнатия Римского-Корсакова, чертил проект выносной часовни для поставления на реке Иртыш иорданного священия воды; расписывал часовню красиво—золотом, киноварью, лазурью. Но не успев закончить сего богоугодного дела, был Ремезов вызван к новому воеводе Нарышкину. Сей ставленник и родственник молодого царя с шутливой серьезностью объявил Ремезову, что пора и ему послужить богу Марсу, а почему не угодно ли будет ему, художнику сибирскому преизвестному, написать семь новых камчатных знамен для конных и пехотных полков сибирских? Что ж! Семен Ульянович не имел ничего против, чтоб сделаться знаменщиком и живописцем. Заказ он выполнил мастерски. Это было в 1695 году. Осмотрев знамена, Нарышкин потребовал от Ремезова других его рисунков. И, как видно, написал что-то в Москву. И вско-

ре пришел из Москвы указ, продиктованный не иначе как самим Петром I, — пусть-де боярский сын Ремезов примет участие в написании большого чертежа страны сибирской. Чертежи составлять было велено всем сибирским городам и уездам, а в Тобольске было велено изготовить на основании этих материалов общий чертеж Сибири, огромный чертеж, вышиной три аршина и в длину четыре аршина. Составлять велено было быстро «безо всякого матчанья».

Детские воспоминания—чертеж воеводы Годунова, где Азия была похожа на ящик, Китай приткнулся к углу, а для Индии не осталось и места, насмешки по этому поводу ворчуна Крижанича, старые, сделанные наглаз и на память, нехитрые чертежи отца—стрелецкого сотника Ульяна Моисеевича, — все, все приобрело теперь вдруг необычайную важность. Царь поручает чертить великий чертеж. Сам царь!

Вскоре Ремезов выехал из Тобольска. Рисовать Сибирь. С Ремезовым выехали его дети—помогать в важной работе. Долго не было Ремезовых дома. А вернувшись, они превратили старую избу в такую чертежную палату, каких еще не было в Тобольске.

Так появился первый чертеж—«Чертеж земли тобольского городу». Но это было только начало работы. Выезжая не один раз в разные концы Сибири, расспрашивая приезжих бывалых людей про далекие страны, безводные степи, огромные озера, про славный Алтай-камень, который искони создан главой всех великих рек—Иртыша, Енисея, Селенги, китайской Корги, индейской Ганги, Ремезов готовил новую карту.

Однако, этот труд пришлось вдруг оставить. Что же случилось? А случилось то, что Петр I решил срочно перестроить город Тобольск. Часто, мол, горит деревянная столица сибирская, пусть она станет неуязвимой для огня. Все казенные учреждения надо сосредоточить на горе, в новом каменном городе. А составить план постройки нового города, составить план перестройки старого Тобольска надо поручить известному сибирскому чертежнику и живописцу Семену Ульяновичу Ремезову.

Ремезову предложили быстро составить проект строительства и велели явиться с ним в Москву, захватив кстати и готовые сибирские чертежи.

Москва! Видывал ли ее до сих пор кто-нибудь из Ремезовых? Едва ли. Бывал там только дед Моисей. Храбрый сотник Ульян Моисеевич побывал во многих столицах—на развалинах татарской столицы Искера, в шатровой столице калмыцкого тайши Аблая, в сооруженных из звериных шкур столицах северных князьков, но родной столицы, Москвы, он так и не увидел за всю свою жизнь. Ну что ж! Зато повезло внуку и правнуку. Семен Ульянович отправился в Москву вместе с сыном—Семеном Семеновичем, старшим мальчиком, наиболее деятельным помощником в черчении карт.

Две недели из Тобольска, через Верхотурье, Соль Камскую, Кайгородок, Устюг Великий, Вологду и Ярославль—ехали в Москву путешественники. Это был путь воевод и ратных людей, путь искателей счастья, путь опальных, путь колодников. Много рассказов, много преданий было связано с этой сибирской дорогой. Старики великоустюжские до сих пор помнили проезд через их город одного из сибирских воевод, князя Темкина, как, приехав в два часа ночи, велел у посадских людей ворота ломать, у изб и клетей двери высекать, а жителей велел бить чеканами, обухами и плетью, а животы их грабить и от того насильства и боя произошел в Устюге великий переполох, и начали бить в колокола. Это было давно, полвека назад, но и сейчас еще добрые устюжане с некоторым недоверием смотрели на проезжих сибиряков. Кто их знает, этих людей из-за Камня. Пьяные, веселые, грозные, требовательные проезжали эти сибиряки, сторожа рубежей восточных. Ремезовы, впрочем, ничуть не походили на сих удалых безобразников. Семен Ульянович, показывая сыну города старой родины, объясняя, что и как, скорее напоминал паломника к святым местам. Русь! Древняя Русь. Какова-то Москва? Там, говорят, нынче нарушено юным царем все благочестие. В пестрых кафтанах и завитых париках носятся там иноземцы, да так же оделся и сам молодой государь и многие близкие ему люди. Тонет Москва в дыму табачном. Обо всем этом, вздыхая, рассказывали Ремезову добрые люди в Устюге, Вологде, Ярославле... И думал Семен Ульянович—вот она ксеномания, сиречь—чужебесие! Скоро, скоро увидит он все сие воочию!

И вот они приехали в Москву. Столица вовсе не выглядела сплошной немецкой слободой, как ввали до-сужие выдумщики вологодские и ярославские. Правда, иноземцев было немало, то и дело слышалась нерусская речь и в приказах, но—соображал Семен Ульянович—когда их не было тут в Москве! Говорят, со времен Грозного толкались тут, соперничая друг с другом, всякие заморские немцы, добивались привилегии в торговле, устраивались на теплые места при дворе. А мало ли было иноземцев при Борисе, при Алексее Михайловиче. Однако, напрасно боялся Крижанич! Русь не погибла, да видно не погибнет и ныне, потому что строго посматривают на иноземцев москвичи, а особенно мяные, статные москвички. Мол, болтать, болтай, а рукам воли не давай! Знай свое место! Да и сам царь-то, главный ксеноман-чужебесец, далеко не всякому иноземцу оказывает почтение. Разгневавшись на голландского посла, хватил его, говорят, кулаком!

Сибирским приказом ведал боярин князь Иван Борисович Репнин. Ласково принял Репнин тобольских гостей. Похвалил чертежи, сделанные ранее, указал какие их недостатки и велел тут же в Москве продолжать работу. Отцу и сыну Ремезовым дали жалованье и оклад и указали быть в доме ближнего боярина Михаила Яковлевича Черкасского в пропитании.

Ремезовы принялись за чертежи. Во время этой работы неожиданно вызвали Семена Ульяновича какие-то бояре и стали допрашивать, что он знает о кольчуге Ермаковой, о панцыре; правда ли, что сей панцырь возил отец его, сотник Ульян Моисеевич, калмыцкому тайше Аблаю? Встревожился Ремезов, к чему это? Но ответил так, как было, — это ведь знали и все в Тобольске. Да, сотник Ульян Моисеевич отвез кольчугу от наследника Кайдаула тайше Аблаю. Какова была кольчуга? По рассказам и записям отца, кольчуга была в два аршина длиной, украшена золотыми орлами двуглавыми. Заставили описать точно, зарисовать. Показали какому-то иностранцу, называемому геральдиком. Это было не имя, а профессия. Иностранец, рассматривая рисунок, кивал головой. Ремезову объяснили, что вздумал царь дать всем городам гербы, — то есть особые знаки, так вот на тобольском гербе предполагается изобразить доспехи Ермака Тимофеевича. Отлегло от сердца Семена Ульяновича. Доспех, побы-

вавший в руках у отца, будет изображен на гербовом щите тобольском! А то уж думал Семен Ульянович — беда какая!

Однако, все это было сделано попутно. А вызвали в Москву не столько расспрашивать, сколько учить. Послали Ремезова в Кремль, в Оружейную палату, в ведении которой находилось каменное строение всяких дел. И начали тут мастера русские и иноземные водить Ремезова от машины к машине, показывать, как надо из камня строение ставить, как надо сваи бить, глину месить, разминать и на гору известь, камень, воду и иные припасы втаскивать. Все записывал Ремезов, ничего нельзя было упустить из виду, особенно же, как на гору таскать припасы — высока Троицкая гора, на которой встанет новый каменный град Тобольск. Показывали еще мельничное колесо и много разных других машин и приборов.

Так знаменописец тобольский превратился в архитектора, в инженера. И москвичи, показав тоболянину сию премудрость, еще раз осведомились: пространно ли, довольно сказано?

Об этом узнал он довольно. Но, окончив науку в Оружейной палате, постарался еще Семен Ульянович поучиться кой-чему у математиков и астрономов. Ибо знал, что царь Петр, посмотрев его чертежи, хвалил их и велел продолжать работу дальше. Хотелось, чтоб эта работа вышла еще лучше.

И еще одно дело было в Москве у Семена Ульяновича. Сто десять лет тому назад основатель Тобольска Данила Чулков взял в плен хана Сеида, казахского султана Уразмухамеда и мурзу Карачу. Пленники были отвезены в Москву. Их потомки, по слухам, жили здесь и по сей час. Ремезов отыскал их. Это были совсем обрусевшие, потерявшие азиатский облик, люди. «Род сей есть и днесь», — записал Ремезов...

В начале зимы Ремезовы покинули, наконец, Москву. Ехали в Сибирь вместе с боярином Черкасским, в московском доме которого были «в пропитании». Черкасский получил назначенье тобольским воеводою. Ремезов, таким образом, стал как бы доверенным его человеком, советником.

К новому, 1699, году Семен Ульянович благополучно вернулся домой, привезя с собой немало московских подарков. Была тут и печатная книга фряжеская о ка-

менном строении, были тут и краски, и кисти, и циркули, и компасы, и блестящая добрая заграничная бумага, и полотно. Но самым ценным из того, что привез в Сибирь домой Ремезов, была уверенность в том, что все идет так, как надо, что нечего бояться новых порядков, что табачный дым не застил глаза никому и ничуть не страшна пресловутая ксеномания молодого царя. Ксеномания, ксенофобия, ксенофилия — все это чушь, пустяки, если есть царь в голове. Так и сказал Семен Ремезов согражданам, сбежавшимся слушать московские новости.

7

На Троицкой горе, где когда-то Данила Чулков срубил нехитрый свой острожек из судового ладийного леса, рос теперь новый Тобольск, Тобольск Петра Великого, гордый огнеупорный город, обличем своим напоминающий европейские города. Этот новый город строился под руководством Ремезова. И стал в эти дни Семен Ульянович очень важным человеком в Тобольске, вроде как первым, после старшего воеводы князя Черкасского. Шутка ли! Заново строил город.

Много хлопот было у Ремезова. Но между этих хлопот выдумал он, казалось бы и совсем нехитрое, еще одну. Не при виде ли дела рук своих, этого нового города, вспомнил Семен Ремезов, строитель, о седой старине? Слушая треск и грохот разрушаемых изб, скатывая с горы бревна, вдыхая их гниль и пыль, не вспоминал ли Семен Ремезов тех, кто строил эти избы, тыны и башни? Старина! Может быть Семен Ульянович даже слегка грустил, что не увидит больше этих древних, бревенчатых, заплесневелых стен тобольского славного острога. Так грустят люди, расставаясь со старой, изношенной, выдавшей виды одеждой, перед тем, как облачиться в новое непривычное, необношенное, хотя и более добротное и более нарядное платье. Воспоминанья! Как бы то ни было, но строитель нового Тобольска Семен Ульянович Ремезов, этот полный сил тридцатисемилетний человек, разведыватель новых дорог и стран, географус и архитектор, словом человек нового времени, нового духа — Семен Ремезов решил написать труд о седой старине.

Между делом, урывками, возвращаясь с горы, где

веселые каменщики воздвигали новые здания, брался за перо Семен Ульянович.

С чего он начал? Всевидящее око, евангелие, лучи от него, озаряющие славный полукруг городов и острогов — Тюмень, Тару, Пельым, Березов, Сургут, Нарым, Кетск, Кузнецк, Красноярск, Енисейск, Мангазею, Иркутск, Верхоленск, Удинск, Селенгу, Аргунь. А внизу крупно-стольный город сибирский, Тобольск. Это был рисунок, а текст под рисунком гласил о том, что «искони всевидец христианский наш бог, творец всея твари чадебно предповеле проповедоватися через Сибирь евангелию в конце вселенныя на край городу Тобольску, граду имениту». Тобольск — ворота востока, преддверье вьюжного Лукоморья, преддверье знойной Азии. Вот ответ всем, кто толкует, что восток нас поглотит!

Далее излагал Семен Ульянович в коротких статьях историю завоевания Сибири. Рисунки живые и ясные дополняли слова. Молодой Ермак борется. Молодой Ермак учится стрелять в цель. Поход за Камень. Битва с татарами. Завоевание иртышских низовий. Гибель Ермака. Постройка городов... Все это было описано и изображено здесь. При составлении своего труда Семен Ульянович пользовался всякими известиями — описаниями старых казаков-грамотеев, летописью и синодиком Киприана, трудом дьяка архиерейского дома Саввы Есипова, который в 30-х годах расширил и дополнил первую летопись. Но много Семен Ульянович добавил и своего, нового, еще нигде и никем не написанного. Так, например, повествуя о пленении Чулковым хана Сеида, султана Уразмухамеда и мурзы Карачи, добавил Ремезов о том, что потомки сих азиатских владетелей счастливо продолжают свой род в России. Он сам видел этих людей в Москве. И упомянуто об этом было очень важно, чтоб знала Азия о том, как благосклонна и добра Россия к покоренным народам.

А особенно живо рассказал Ремезов о той великой славе, которую приобрел Ермак Тимофеевич у азиатцев. Как чтили они его память, каким волшебником и чудотворцем казался он после смерти. Обо всем этом Семен Ульянович мог писать с гордостью и с глубоким знанием дела. Подробно и увлекательно изложил Семен Ульянович в своей книге историю путешествия отца с доспехами Ермака к тайше Аблаю... Наивные и полные очарования рисунки сопровождали этот рассказ.

Вот Ульян Моисеевич Ремезов «с товарищи» скачет на юг, везя Аблаю волшебную кольчугу. Вот столица калмыцкая, узорный шатер тайши. Высокий, худощавый, в меховой шапке, Аблай обращает свое калмыцкое морщинистое лицо к бородатым здоровякам, тоболянам. Аблай целует кольчугу Ермака. Аблай повествует о чудесах ермаковской могилы. Аблай пирует с послами. Этот рассказ о посольстве Ульяна Ремезова к Аблаю в 1650 году был как бы вставным эпизодом в летопись, повествующую, главным образом, о завоевании Сибири и о постройке Тобольска. Последние главы своего труда посвятил Семен Ульянович рассуждениям на политические, этические и религиозные темы. И кончил свой труд Семен Ульянович так:

«Се дозде доплывши, ветрила словес спустивши, в твердом пристанище истории охотие почием. Никто ж себе тако не милует, яко всех нас бог. Ты же, читагелю, зря вышеписанное, вспоминай бога паче дыхания. чти его делом, а хвали его словом и помыслы. Бойся его. Душу имей, аки воеводу, тело аки воина, дабы воин воеводе во всем благопокорен был, а не воевода воину, яко ества здравая из глиняного блюда есть вкусно. Аз же в сибирьстей бытна о единодушных казацех вкратце глаголал, налично всположих в Тобольске граде всенародному зрению нескрытно; аще и языка светлого не стяжах, еще железным ключем отверзах, а златый впредь уготових ко утешней всенародной пользе»...

Так написал он. И то, что он написал, не было, пожалуй, летописью в полном смысле этого слова. Да и не к чему это ему было делать. Ибо знал он — летопись тобольскую пишет другой человек. Был такой человек в городе. Писал труд под заглавием «О поставленьи городов и острогов в Сибири». Начав также со времен покорения Сибири, сей писатель не остановился на делах стародавних, но отмечал все события современности. Этот летописец описывал все: и события времен Михаила, и воцарение Алексея, и смерть его, и воцарение Федора, и смерть и восшествие на престол двух юных царевичей Петра и Иоана, и про Софью... Про всех воевод, не только тобольских, но и иногородних, подробно рассказывал сей летописец — кто куда поехал, кто сколько служил. Так же отмечал он и все выдающиеся события церковной жизни: явление Нико-

лая-чудотворца воеводе Шереметьеву, явление божьей матери в Абалаке, написание дьяконом Матвеем ее иконы, подарки церквам от воевод, строительство новых церквей. Все пожары тобольские великие — от небрежности, от молний, от поджогов, — а за сто лет своего существования раз десять чуть ли не до тла выгорал город, — все это было описано сим трудолюбивым дьяком-летописцем. То была настоящая летопись. А Семен Ульянович имел иную цель. Он взял несколько ярчайших случаев из старины тобольской. В сущности, это была не летопись, но некая поэма о старине, о стариках, о предках. Он оговорился, что я, мол, не светлоречив. Но вряд ли он сам верил этим словам. Многие главы, особенно о постройке Тобольска, пленении Сейдяка и Карачи, о поездке отца к хану Аблаю с доспехами Ермака, вышли у Ремезова чрезвычайно ярко и живо. Кое-какие статьи, особенно отвлеченные рассуждения, действительно были написаны несколько витиевато. Однако и то и другое было написано от души.

Поэма о предках. Старинным торжественным слогом писал он ее. И отдав сию дань старине, вернулся к действительности. Вовсе не таким языком, как писал, объяснялся он с каменщиками на Троицкой горе. Не таким словом писал он и объяснение к чертежу Сибири. Царь Петр, сам выражавшийся по-новомодному, стремительно и ясно, едва ли похвалил бы Ремезова за славянизм, торжественность, витиеватость. Тут надо было писать по-другому. Некогда было выдумывать красоты. Тем более, что из Москвы весьма торопили. Ждали большой чертеж.

Быстро закончив свою летопись, Ремезов вернулся к этим делам. Утро на постройке, вечер за чертежом. Чертеж — это, пожалуй, теперь самое главное. И действительно Семену Ульяновичу еле-еле удалось справиться во-время. Он с помощью сыновей своих Ивана, Семена, Петра и Леонида завершил этот труд к 1 января 1701 года.

8

Сказать, что это был чертеж с описанием, — значило бы сказать слишком мало. Это были не только карты и объяснения к ним. Это была отнюдь не одна гео-

графия. Богатейшие экономо-статистические данные о стране, количество населения, дворов, характер угодий, масса указаний исторического и археологического свойства — где какие гробницы, памятники, руины, указания на то, куда выводят дороги из Сибири, — чего только не было здесь в этом труде! Говорилось здесь не только о прошлом и настоящем, но и о будущем; так, например, наметил Семен Ремезов города, которые еще не существовали в его время, но не могли не возникнуть в будущем.

Не зря путешествовал Семен Ульянович Ремезов по Сибири. Не зря, вернувшись из Москвы, беседовал он так много и подробно со старожилами-сибиряками, со всякими памятливыми бывальщиками в непроходимых местах, в степях и морях и в каменьях безводных, с русскими и азиатцами новокрещеными, с гостями — бухарцами, татарами и калмыками. Опрашивая, он проверял показанья этих добрых людей. Диковинными заморскими инструментами — компасом и циркулем. Не зря привез эти инструменты из Москвы. И в Москве побывал не зря. Поездка в Москву, общение с лучшими людьми своего времени, работа в книгохранилищах, в архивах сибирского приказа — все, все пригодилось, все сказалось в той замечательной работе, которую проделал Семен Ульянович Ремезов.

Сибирь — хозяйка Северной Азии, Сибирь, гигантски выросшая за сто лет русского владычества, Сибирь, глядящая в Ледовитый и Великий океаны, глядящая на Китай, Индию, Персию — вот какая Сибирь ожила под пером тоболянина, сына боярского Семена Ульяновича Ремезова.

Уж подлинно золотым ключом в некую сокровищницу востока был этот чертеж земли Сибирской.

Труд Ремезова высоко оценили не только в Тобольске, но и в Москве. Этот труд стал основой многих европейских карт Азии. Надо сказать, что и все прежние, так называемые «западно-европейские» карты русского севера и северо-востока были составлены не иноземцами, а русскими людьми. Известная карта голландца Исаака Мааса, обнародованная им в 1612 году, — карта с изображением северного берега России от Архангельска до устья Енисея, — была составлена русским, помором. Карта того же Мааса, изданная им в 1633 году, была попросту переизданием карты, со-

ставленной царевичем Федором, сыном Годунова. Голландец Витзен, хвастаясь перед Европой своей мнимой осведомленностью в восточных делах, преподнес наивным амстердамцам ту самую карту старого тобольского воеводы Годунова, которой в детстве любовался Семен Ремезов. И теперь, когда Семен Ремезов составил свой замечательный труд, когда чертежи тобольского исследователя оказались в сибирском приказе в Москве, иностранцы сумели извлечь из этого свою пользу. Витзен был тут как тут. И вскоре изумленная Европа увидела новую «витзеновскую» карту. Кто там в Голландии знал про тобольского географуса Семена Ремезова, изготовившего сей ключ золотой Востока?

Однако ключ золотой оказался тяжеловат для голландцев. Не им, голландцам, все же предстояло открыть дверь в сокровищницу Северной Азии.

Ключи. Ключ железный, ключ золотой. Сибирская история, сибирская явь. Старое и новое.

9

Новое! Оно давало о себе знать, что ни день. На рубеже XVIII века, когда кончал Семен Ремезов свои чертежи, много новостей произошло здесь, в Сибири. Беспokoйно вздыхали старые воеводы, уютно сидевшие в глухих городках и острогах: «Ну, времена! Не стало покоя. То и дело появлялись из Москвы какие-то сыщики, ревизоры. Почему на вас жалоба?» «От кого жалоба?» «От инородцев жалоба, что грабите их, отбираете то, что должны бы они сдавать в казну. Царь давно приказал вам не казнить инородцев без спроса, а вы казните. От рудознатцев тоже жалобы, что им дорог к железу не показываете».

Беспokoйные пришли времена. Железо вдруг стало дороже злата. В 1700 году возник в Тобольском уезде на верховьях Исети первый большой железный завод. Тобольский сын боярский Иван Астраханцев лил там пушки, мортиры, ядра. В том же году мастера, прибывшие в Тобольск из Тулы, оборудовали здесь оружейный завод. Царь Петр Алексеевич весьма торопил со всем этим. Снаряды и орудия оказались теперь нужны, как никогда прежде. Началась Северная война!

Началась Северная война и устанавливались мирные добрососедские отношения с сопредельными страна-

ми Востока. Проследовало через Тобольск в Россию посольство от самого Цевана-Роптана, сильного и влиятельного царя Джунгории. Это было в 1701 году, в том году, когда Семен Ульянович кончил свой атлас.

Что делал он, кончив атлас? Дело нашлось. Огдыхать было некогда в это горячее время. Недаром вслед за мелкими сыщиками послал царь в Тобольск тогда, в 1702 году, важных людей из Сибирского приказа и с ними думного дьяка, главу всех пушкарей Андрея Андреевича Виниуса. Как процветают новые железные заводы? Заводы на Каменке, на Ухтусе, в Алапаихе. Пушек! Больше пушек! Так твердил Виниус. А приказные пытали: почему мало белок, соболей, горностаев поступает в казну? Каково со сбором налогов? Каково с торговлей? Ведь торговля, как говорит царь Петр, верховная обладательница судьбы человеческой. А деньги, — говорил он, — деньги являются главной артериею войны!

Шла война, война за Прибалтику. Она началась не блестяще, Петр потерпел поражение под Нарвой. Но вслед за этой неудачей пришли и победы, которые дались, само собой разумеется, не легко. И в год закладки Санкт-Петербурга, в 1703 году, явился в Тобольск некий грозный наборщик рекрутов Андреян Романов и набирал он великое множество духовных и деловых людей по всей Сибири.

Что делал в это время Ремезов? Он продолжал наблюдать за постройкой каменного города. Но не только. Помогал он Андреяну Романову вербовать рекрутов. Путешествовал, ревизуя оружейные заводы. Разъяснял, что деньги «суть главной артериею войны». Вероятно, как известный грамотей и художник, помогал Ремезов новому митрополиту тобольскому Фалслею Лецинскому оборудовать первую в Сибири школу, школу для детей церковно-служителей. Может, именно Ремезов рисовал декорации для первого сибирского театра, ибо не позже как через два года, в 1705 году, школьники тобольские дали первое в Сибири драматическое представление.

Не исключена возможность и того, что сын боярский Семен Ремезов, одетый уже в европейское платье, нес караул по охране ссыльных типографщиков—единомышленников Григория Талицкого, печатавшего воровские письма, будто Петр—антихрист. А может быть Се-

мен Ремезов нес караул при ссыльных стрельцах астраханских или при ссыльных булавинцах,—те и другие оказались здесь, в Сибири.

Наконец, мог Семен Ремезов участвовать в экспедиции против беглых людей. Много таких развелось опять на Руси. Бежали от рекрутчины, от налогов, от вербовки на работу по постройке Петербурга, каналов, соединявших Балтику с Каспием, Волгу с Доном. Бежали, громя по пути усадьбы помещиков, бежали на юг, бежали и за Камень.

Беспокойное было время. И наверняка можно сказать—не отдыхал Семен Ремезов, сын боярский. Тобольск кипел. Прибывали все новые и новые люди. Одни оставались в городе, другие ехали дальше—кто на Алтай, кто к границам Китая, кто на далекую Камчатку. Тут были и чиновники, и ратные люди, и сыщики, и ревизоры, и ученые, и купцы. Духом небывалого оживления веяло по всей Сибири.

А в конце 1708 года объявил тоболянам воевода князь Михайло Михайлович Черкасский, сын умершего Михаила Яковлевича, что он — Михайло Черкасский — есть последний у тоболян воевода. Смотрите, мол, на меня и запоминайте! Ибо больше ни в Тобольске, ни в других городах Сибири воеводам не бывать. Царь, мол, Петр недаром посылал в Сибирь столько разных ревизий. Теперь, изучив, решил, что нельзя по-старому править странюю. Ревизия воеводского управления показала, сколь много несовершенства и злоупотреблений имеется. И вот царь Петр, от всего этого сыскного дела устав, повелел воеводское управление уничтожить. «И будет отныне сибирская губерния, к которой приписаны двадцать шесть городов. И править сей губернией будет губернатор».

10

Конец пришел старому Тобольскому воеводству. Конец старине. Словно чувствовал это Семен Ремезов заранее, когда писал труд свой—летопись о днях стародавних.

Конец воеводству! Подсчитали тоболяне: за сто тринадцать лет перебивало в стольном городе сорок воевод. Сорок начальников, вольных и невольных, мудрых и простоватых. Всякие были. Правили как умели.

Сибирь азиатцам назад не отдали, а наоборот—бес-
предельно расширили ее границы. Теперь же сказано
новое слово: губерния. Двадцать шесть городов. То-
больский губернатор будет править и Тюменью, и Та-
рой, и Березовом, и Сургутом, и Томском, и Пелымом,
и новой Мангазеей, что на Турухане, и Енисейском,
и Кузнецком, и Ишимском, и Иркутском, и Нарымом, и
Турханском, и Верхотурьем, и Красноярском, и Нерчин-
ском, и Якутском, и Кетском и Кунгуром. Э! Да еще и
городами за Уралом—Пермью великой, Чердынью,
Солью Камской, Кай-городком, Яренском и даже Вят-
кой с четырьмя пригородами. Дивно! Как-то управится
с такой обширной губернией новый тобольский воево-
да, то-бишь губернатор!

Семен Ульянович Ремезов видел приезд этого гу-
бернатора — юркого, непоседливого князя Матвея Пет-
ровича Гагарина, бывшего нерчинского воеводы, а за-
тем президента Сибирского приказа. Гагарин явился в
Сибирь с великой торжественностью — плыл на судне,
сплошь обшитом алой тканью, чуть ли не под алыми
парусами. Выходил Гагарин на пристанях, принимал
хлеб-соль и переименовывал бородатых растерянных
воевод в коменданты. Прибыв в Тобольск, Гагарин
осмотрел воздвигнутый Семеном Ульяновичем на горе
новый каменный город. Сказал—работу надо продол-
жать еще и еще. Мало построек, город должен стать
волшебно красивым. «Дам тебе скоро искусных помощ-
ников! Таких инженеров, что и Москва не видывала. У
меня с царем уже договорено!»

И действительно, вскоре прибыли в Тобольск плен-
ные шведы из-под Полтавы. Гагарин сразу распре-
делил, кто из них что будет делать. Прусскому урожен-
цу фон Врехту, взятому со шведами под Полтавой, Гага-
рин посоветовал открыть в Тобольске школу. Других
умников приспособил Гагарин заняться переводом ази-
атских книг — предъявил сочиненье Абулгази-Багадур
хана о монголах и татарах. А шведских инженеров от-
дал в распоряжение Семена Ульяновича.

Замечательные новые строения воздвигли эти шведы
на Троицкой горе. Там возникло несколько больших
домов, палаты над крепостными воротами, грандиозная
арка, получившая название шведской. Скандинавским
средневековым веет от этих грандиозных стен, укра-

шающих и поныне Троицкую гору. Договорился Гагарин со шведами и о том, чтоб отвели они русло Тобола, — воды реки подмывали городской берег. Прорыт был канал, и Тобол пошел новой дорогой.

Тобол — река, давшая имя стольному городу сибирскому, — пошла по новому руслу. Не вся ли жизнь сибирская пошла по новому руслу в эти годы? Чужебские? Этого слова теперь никто не боялся. Иноземцы пришли в Сибирь не хозяевами, но покорными слугами неукротимого царя.

Семен Ремезов видел, как Гагарин послал многих из этих господ в дальний путь по Иртышу с экспедицией, отправленной на юг искать золотые пески страны Эркеть, а может быть и дорогу в Индию, ту дорогу, о которой когда-то расспрашивал видальцев и бывальцев Семен Ульянович, — дорогу к верховьям индийской реки Ганги. Трехтысячный отряд готовился встретить следующую весну в солнечном Туркестане. Руководители этой экспедиции, несомненно, познакомились с «чертежами» Ремезова. Обратили они внимание на пометку Семена Ульяновича о том, что над устьем реки Оми, на краю степи калмыцкой, пристойно быть новому городу, Омскому городу! Едва ли они интересовались устьем какой-то Оми. Сказочные сокровища востока, Китай, Коканд, Индия — вот что манило путешественников. Ремезов знал это.

Но не узнал Семен Ульянович, что город на Оми пришлось все-таки поставить. Не удался поход в Туркестан, в Индию, а закончилась экспедиция именно постройкой предсказанного Семеном Ульяновичем города на Оми.

Ремезов не узнал этого, ибо в том самом году он умер.

Он, родившийся в небольшом деревянном Тобольске, умер в каменном новом городе, красивейшем и величайшем городе северной Азии. Восемнадцать тысяч дворов насчитывалось уже в Тобольске. Слава о городе шла от полярного моря до монгольских степей, от берегов Тихого океана до персидской границы.

Русские, шведы, пруссаки, татары, китайцы, джунгары, кокандцы, бухаретяне, казахи, ханты, манси, коми — кого только не было здесь, у стен белокаменного тобольского кремля.

Строитель этого нового города Семен Ремезов умер в 1715 году. Причина его смерти нам точно неизвестна. Скорей же всего, как говорится, «сгорел» на работе. Ибо работал он на редкость неутомимо, на редкость талантливо и плодотворно. Архитектор-художник, географ, историк, писатель — Семен Ульянович Ремезов был достойным современником и соратником Великого Петра.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ястребинная охота</i>	3
<i>Врата Азии</i>	16
<i>Лукоморье</i>	27
<i>Дукс Иван непотребный и многогрешный</i>	46
<i>Сын боярский</i>	71

Редактор *В. С. Курнева.*

Подписано к печати 25/VIII 1945 г.
ПД21702. Тираж 10 000 экз. 6¼ п. л.,
5,65 уч.-изд. л. Цена 2 р. 85 к.

Типография издательства „Омская правда“
Омск, ул. Дежбристов, 47. Заказ № 1606.

2724
27.85 K.

11
12